

ПЕРЕВОД ЕЛЕНЫ ТОКАРЕВОЙ

МЕГАН УЭЙЛИН ТЕРНЕР

СЕРИЯ «КОРОЛЕВСКИЙ ВОР»

КНИГА II

КОРО-
ЛЕВА
АТТОЛИИ

Королевский вор

Меган Уэйлин Тернер

Королева Аттолии

«Popcorn books»

2000

УДК 821.111
ББК 83.3(7Сое)

Тернер М.

Королева Аттолии / М. Тернер — «Popcorn books»,
2000 — (Королевский вор)

ISBN 978-5-6048363-4-7

Когда Эвгенидес, вор Эддиса, украл Дар Гамиатеса, королева Аттолии лишилась не только драгоценной реликвии – она лишилась собственного достоинства. Теперь все знают, что Эвгенидес перехитрил ее. Так что королева ждет, уверенная, что вор оступится, что заглянет в ее твердыню еще один раз. Чтобы восстановить репутацию и вернуть власть, королева Аттолии пойдет на все и ради отмщения будет готова рискнуть даже собственной страной.

УДК 821.111
ББК 83.3(7Сое)

ISBN 978-5-6048363-4-7

© Тернер М., 2000
© Popcorn books, 2000

Содержание

Глава Первая	6
Глава Вторая	11
Глава Третья	16
Глава Четвертая	20
Глава Пятая	29
Глава Шестая	37
Глава Седьмая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Меган Тернер Королева Аттолии

The Queen of Attolia
by Megan Whalen Turner

Copyright © 2000, 2017 by Megan Whalen Turner

Cover art © 2017 by Joel Tippie

All rights reserved

© Е. Токарева, перевод на русский язык, 2021

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2023

* * *

Посвящается Сьюзен Хириман

Эвгенидес посмотрел на нее и в удивлении едва заметно склонил голову набок. Он, как обычно, совсем забыл, до чего же она красива. Волосы перевязаны рубиново-золотой лентой, мягко сверкающей над темными бровями. Безупречная кожа такая светлая, что кажется прозрачной. В одежде она подражала богине Гефестии, но одно дело – представить себе безликую жестокость великой богини, и совсем другое – увидеть эту жестокость на прекрасном лице королевы Аттолии. Глядя на нее, Эвгенидес улыбнулся.

Глава Первая

Он спал. Проснулся оттого, что в замке щелкнул ключ. В этой кладовке хранилось зимнее постельное белье. Кому оно понадобилось в разгар лета, да еще среди ночи? Дверь открылась, но он успел выскользнуть через квадратный проем в каменной стене и неслышно затворить за собой железную дверцу. Очутился в узком туннеле, соединявшем печную комнату с гипокаустом – отопительной системой небольшого приемного зала, расположенного чуть дальше по коридору. Дверь, через которую он пробрался, должна была впускать в кладовку дым для окуривания простыней. Неслышно, ползком, он продвигался по туннелю к открытому пространству гипокауста. Приземистые квадратные колонны поддерживали каменный свод над головой. Сесть было негде, поэтому он лег на спину и стал прислушиваться. Наверху, в приемном зале, раздавались торопливые шаги, они гремели, как бой барабанов. Наверняка ищут его. Но он не сильно беспокоился. Ему уже не раз доводилось прятаться в узких пространствах под дворцовыми полами. А его предки освоили туннели гипокаустов еще сотни лет назад – с тех давних пор, как захватчики построили их, чтобы отапливать свои новые дома.

По длинному узкому туннелю из печной комнаты доносились звуки. Чьи-то приглушенные шаги, еле слышное потрескивание. В печи развели огонь. Скоро в гипокауст потянется теплый воздух и, что гораздо хуже, дым. Тепло будет обогревать приемный зал, а дым выкурит затаившуюся жертву. В кромешной темноте он неслышно юркнул между кирпичных колонн к стене и двинулся вдоль нее. Отыскал дымоход с отверстием чуть шире, чем у других. Но даже в такой проем втиснуться было нелегко, и, пока он извивался, вокруг все гуще клубился жаркий дым. Он вспомнил, как легко проскользнул в этот самый дымоход, когда впервые проник сюда. В тот раз его привел дед. Он был уже слишком стар и крепок для путешествий по узким туннелям, поэтому сидел в городской таверне и ждал, а его внук в одиночку шнырял по дворцу и находил всё в точности таким, как описывал дед.

Он втиснулся в дымоход и стал карабкаться, цепляясь пальцами за трещины и упираясь ногами в стены. Вскоре туннель свернул и соединился с каминной трубой, выходящей из приемного зала. Добравшись до трубы, он тихо выругался, хотя ожидал именно этого. В камине развели огонь. К счастью, он еще не успел сильно разгореться – видимо, разожгли совсем недавно. Однако каминная труба уже наполнилась дымом, и воздух быстро разогревался. Но делать было нечего. Вор просочился в каминную трубу и со всей возможной быстротой полез вверх, надеясь, что треск пламени заглушит шорох его мягких башмаков по шершавым кирпичам. Каминная труба была гораздо шире дымохода, и в стенах были устроены кирпичные выступы для трубочистов.

Мало-помалу он добрался до места, где сходились несколько каминных труб. Они соединялись в одну широкую дымовую трубу, уходящую вверх. Было жарко и дымно, но он не стал подниматься к крыше, а нырнул в одну из каминных труб и начал осторожный спуск. По его прикидкам, королева поставила солдат караулить возле каждой дымовой трубы на крыше.

Дышал он медленно и неглубоко, подавляя кашель. Малейший звук мог выдать. Чем ниже он спускался по выбранной трубе, тем гуще становился дым. Глаза наполнились слезами. Он оступился и с мягким стуком упал на кирпичный выступ. Нечаянно вдохнул полной грудью, зажал рот обеими руками. В ушах стучала кровь, лицо медленно наливалось краской. Он медленно выдохнул между пальцев, вдохнул осторожнее, но в горле горело, а перед глазами все плыло. Грудь разрывал сдавленный кашель.

Под выступом, на котором он очутился, каминная труба делилась на узкие дымоходы, уходящие в несколько разных комнат. Он закрыл глаза и прислушался. Криков не слышно, только где-то внизу потрескивает пламя. Он заглядывал в одну трубу за другой, решая, куда спуститься. Наконец выбрал ту, что вела в покои какого-то заграничного посла – персоны слишком важной, чтобы солдаты осмелились ворваться к нему среди ночи и неизвестно зачем разжечь камин.

Труба, в которую он нырнул, отходила от основного дымохода под длинным пологим уклоном. Вдалеке от главного ствола дыма стало меньше, и он остановился перевести дух, с наслаждением вдыхая чистый воздух. Голова прояснилась. Добравшись до поворота, за которым труба отвесно спускалась в камин, решил подождать. Огня под ним не было, так что торопиться некуда – лучше присмотреться и проверить, не поджидают ли его в этой комнате. После долгого молчания он услышал, как скрипнула кровать – видимо, ее хозяин заворочался во сне.

Не теряя осторожности, вор спустился по трубе и остановился у верхнего края камина. Потом уперся локтями в кирпичи, опустил голову и выглянул. Стражи не видно. Он неслышно соскользнул на камни очага. Спящий на кровати не шелохнулся, а больше в комнате никого не было. Вор присел перед пустым камином и стал вспоминать, кто где спит в этом дворце. Видимо, поблизости осталось не так уж много комнат, в которых гвардейцы еще не успели развести огонь. Должно быть, они не стали тревожить здешнего постояльца, а ждали в коридоре, пока жертва сама распахнет дверь и выйдет прямо к ним в руки.

Нет, в коридор выходить нельзя. Эта спальня расположена у внешней стены дворца. Стена отвесно спускается к дороге, отделяющей замок от города. Он осторожно прошел мимо кровати к окну, раздвинул шторы и окинул взглядом дорогу. Потом открыл окно, посмотрел вверх – не караулят ли его с крыши. На парапете никого не было видно. Он перемахнул через подоконник и начал спуск. Просветы между мраморными плитами на фасаде были узкими, но для пальцев хватало. На полпути к земле он услышал над головой крик. Заметили-таки. Вор двинулся вбок, ожидая, что вот-вот в плечо вонзится арбалетная стрела, но нет, миновало. Личная гвардия королевы вооружена ружьями, вспомнилось ему, но выстрелов тоже не было слышно. Может, не хотят палить среди ночи, подумал вор. Опасаются разбудить королеву. Этим, правда, не объяснялось отсутствие арбалетных стрел, но он не стал ломать голову над загадкой. Добрался до ближайшего окна и вскочил внутрь.

Это был кабинет. Большую часть этажа, на котором трудились королевские сборщики налогов, занимали кабинеты и кладовые, часто соединявшиеся. Ему удалось ускользнуть от гвардейцев, карауливших этажом выше, и если поторопиться, то он и отсюда уйдет, пока они не перестроились. Прятаться не имеет смысла, они идут по пятам. Надо выбраться из дворца и затеряться в городе.

При свете ламп, висевших в коридоре, он оглядел себя с головы до ног и нахмурился. Хоть он и оделся в повседневное платье аттолийского слуги, оно уже все перепачкалось в саже и паутине. В таком виде не сойти за безобидного дворцового обитателя, разбуженного шумом. Да и шума-то почти не было. Охота шла в полной тишине, гвардейцы беззвучно крались по коридорам королевского дворца Аттолии, рассчитывая застать его врасплох, а он двигался еще тише, надеясь ускользнуть. Игра становилась все опаснее, солдаты поджидали на каждом углу. Он наткнулся на них повсюду, куда ни шагни. Наконец он отпер дверь на стену, ограж-

давшую один из внутренних дворики, и услышал за спиной грохот сапог по голым каменным плитам. Солдаты, уже не таясь, бросились в погоню.

Он промчался вдоль всего парапета. Преследователи были позади, но перешли с бега на шаг. С одной стороны стена отвесно спускалась во двор, с другой – на окаймляющую дорогу. Падение с такой высоты губительно. Впереди вора из-за угла вышел еще один отряд стражи. И те, и другие были уверены, что никуда он теперь не ускользнет. Вор слишком хорошо понимал, что с ним сделают, если поймают, и, дойдя до угла, не замедлил шаг, как ожидали гвардейцы, и не повернул назад. Вместо этого он вскочил на край парапета и ласточкой бросился вниз, в непроглядную ночную тьму.

* * *

Гвардейцы кинулись к краю парапета, легли на животы и долго вглядывались в мощную дорогу под отвесной стеной. Помня строгий приказ схватить вора живым, высматривали в переплетении теней разбившееся тело. Но тени от фонарей, расставленных по стенам, застилали взгляд, и солдаты не сразу поняли, что никакого тела внизу нет.

Наконец один из гвардейцев указал на дома по ту сторону дороги. Вор, пошатываясь, поднялся на ноги и проворно пересек крышу. Перескочил на другую крышу, пониже, и скрылся из виду. Через миг появился вновь и ловко спрыгнул в переулок. Кто-то из солдат выругался – отчасти в сердцах, отчасти с восхищением.

– Вы видели, куда он ушел? – раздался позади них холодный голос.

Солдаты вытянулись по стойке смирно, и лейтенант ответил:

– В переулок, ваше величество.

– Стреляйте туда из арбалетов. Стражники на земле услышат, куда падают стрелы.

Королева развернулась и зашагала обратно к дверям. Ей хотелось схватить вора прямо во дворце. Она знала, что в прошлом году он четыре раза наведывался в одну из ее цитаделей, однажды выскользнул из комнаты за миг до того, как она вошла, и еще раз, кажется, прошел через ее собственную спальню, пока она спала. В прошлый визит он чуть было не попался, и она поклялась, что больше не упустит его. И все-таки ее задевало, что его не сумели схватить прямо в стенах дворца.

* * *

Вор услышал, как за спиной стучат по камням арбалетные стрелы. Неподалеку ответили криком. Он отбросил осторожность и бросился бежать со всех ног по извилистым улицам. Прыжок с дворцовой крыши дался нелегко: хоть он и сумел перекатиться, все же сила удара пронзила его до костей. Ладони горели, плечи ныли. Зыбкая пустота в груди исчезла, но ее сменило острое колотье в боку. Обливаясь потом, он мчался сквозь теплую ночь.

На узких улочках было столько поворотов и перекрестков, что преследователи наверняка потеряют его из виду, а сквозь собственный топот не смогут расслышать его шагов. Однако на каждом углу поджидали новые и новые солдаты, и не успевал он скрыться от одних, как его тотчас же замечали другие. Запыхавшись, он наконец вырвался на прямую улицу и помчался во всю прыть. За спиной раздался лай собак. Это не просто брешут городские шавки – те не умолкали с той минуты, как заслышали крики. Нет, на него спустили дворцовых сторожевых псов.

Дорога, по которой он бежал, внезапно уперлась в городскую стену. Подобно дворцовым, городские стены были новыми, построенными незадолго до разгрома захватчиков. В отличие от ступенчатых стен старых городов, эти отвесно уходили ввысь, к парапету. Вскрабкаться на них нечего и думать. Однако у подножия, там, где узкая дорога ныряла в канаву, отводив-

шую потоки зимних дождей, под городской стеной проходил водосток. На полпути под стеной его должна перегораживать железная решетка, какие обычно ставят в таких отверстиях. Но здесь эта решетка была выломана. Однажды, несколько лет назад, ее починили, и вор провёл в водостоке три долгие ночи, перепиливая новенькие брусья, чтобы заново открыть свой личный потайной вход в город.

Водосток был невелик. Накануне, придя в город, вор осторожно полз на ладонях и мысках, изо всех сил стараясь не запачкать одежду. Вымыл грязные руки в городском фонтане, протер башмаки и пошел в харчевню обедать.

А сейчас он подбежал к стене, не сбавляя шагу, и лицом вниз нырнул в туннель, скользя по грязи и слякоти. За спиной слышался лай дворцовых псов, кричали люди. Добравшись до железной решетки, лежавшей в грязи посреди туннеля, он переполз через нее, потом обернулся и поднял ее стоймя. Услышав скрежет брусьев по стенам, дернул сильнее. По его расчетам, под напором собак решетка не опрокинется обратно в грязь, а еще плотнее встанет на место.

Выбравшись из водостока по ту сторону городской стены, он очутился в оливковой роще. До рассвета оставалось еще несколько часов, ночь была безлунная, и он не видел дальше своего носа, однако и в темноте прекрасно знал, где находится. Перед ним тянулись ровные ряды оливковых деревьев. Если идти между ними вниз по холму, можно добраться до реки. А там он бросится в воду и выйдет на берег ниже по течению. Оторвется от собак и к рассвету будет уже вдали от города.

Ближайшие ворота в городской стене были справа, довольно далеко. Сквозь них виднелись искорки света – фонари в руках преследователей. Положившись на свое знание рощи и на упорядоченную рассадку деревьев, вор встал на ноги и бросился бежать. Деревья рассекали ночную тьму черными тенями. Он все быстрее и быстрее мчался вниз по склону, ставя ноги осторожно, чтобы не споткнуться о корень. Думая только о реке, он не заметил, как впереди выросла мрачная тень, и со всего разбегу налетел лицом на стену. Рухнул наземь и в последний миг краем сознания сообразил, что ноги-то ни обо что не споткнулись.

Боль накрыла с головой. Он лежал на спине, силясь что-нибудь разглядеть сквозь пляшущие перед глазами огни. Вцепился в чахлые кустики травы, перекатился на живот, приподнялся на колени, сдерживая тошноту. Ощупью, по корням на твердой земле, подполз к ближайшей оливе. Держась за ствол, встал на ноги. Ночь, и без того темная, стала непроглядной. Опираясь на дерево, он повел рукой в темноте, и ладонь наткнулась на что-то твердое. Доска, медленно осознал он. Перекинута между деревьями. Подергал. Прибита крепко, как раз на уровне его головы. Такая штука остановит вернее, чем каменная стена.

Пока он размышлял, откуда она тут взялась, сверху послышались крики. Он сумел сделать лишь несколько неверных шагов, даже не зная, в какую сторону, и тут его догнали первые собаки. Одна прыгнула ему на спину, а другая подбила под колени. Он рухнул обратно в траву, на сухую твердую землю, и свернулся калачиком, надеясь, что собак успеют оттащить, пока они не разорвали его на куски.

* * *

Королева Аттолии ждала у городской стены, прислушиваясь к победным крикам и лаю псов. Двое гвардейцев подтащили к ней пойманного вора. Она сидела верхом, и, чтобы взглянуть на нее, ему пришлось запрокинуть голову. Кожа между бровей была рассечена, из раны выступило несколько капель крови. Из носа тоже текла кровь. Она струилась по губам, по подбородку, тяжелыми каплями падала на тунику и смешивалась с грязью.

– Рада снова видеть тебя, Эвгенидес, – молвила королева.

– А уж я-то как рад, ваше величество, – отозвался он, но медленно отвернул голову и закрыл глаза, как будто свет факелов вокруг нее был слишком ярким.

– Телеус, – сказала Аттолия капитану личной гвардии, – проследи, чтобы нашего гостя заперли как можно тщательнее.

Она развернула лошадь, въехала в ворота, проскакала через город к дворцу. В личных покоях ждали служанки. Они переодели ее ко сну и расчесали длинные волосы. После этого она отпустила девушек и села перед камином. Время было летнее, огонь не горел. За спиной раздался женский голос:

– Вы его поймали?

– О да, – ответила королева, не повернув головы. – Я его поймала.

– Осторожнее, – сказала собеседница. – Не оскорбляйте богов.

* * *

Его притащили в тесную камеру в дальнем конце коридора, под узкой лестницей в мрачных подвалах дворца. Вор осторожно опустился на четвереньки и тотчас же с отвращением отдернул руку. Пол был влажный. Он повернул голову и окинул взглядом камеру. Тусклый свет пробивался сквозь зарешеченное оконце в двери и поблескивал на унылом каменном полу. Мокрые пятна тянулись от стены до стены.

Не надо было поворачивать голову. Он отполз в угол, и его вывернуло наизнанку. Расставшись с остатками обеда, он переполз в дальний угол камеры и лег на сырые камни. Вознес молитву богу воров. Так и не получив ответа, уснул.

Глава Вторая

Известие о его аресте донеслось до Гефестийских гор лишь спустя много дней. Какой-то человек из винной лавки обогнал остальных вестников и явился ко двору королевы Эддис как раз в тот миг, когда весь двор собрался на обед в церемониальном зале. Королева стояла и разговаривала с несколькими министрами. У нее за спиной высился резной парадный трон. Тарелки перед ней были золотые, рядом стоял золотой фигурный кубок, из которого столетиями пили короли и королевы Эддиса.

Королева заняла свое место за столом, затем расселись члены королевской семьи, за ними – бароны, живущие при дворе, и послы из разных стран. В этот миг к королеве подошел один из ее гвардейцев, встал позади трона и что-то тихо сказал. Придворные затаили дыхание. Королева выслушала не шелохнувшись, лишь бросила взгляд через длинный стол на своего дядюшку, военного министра. Потом что-то сказала гвардейцу, отпустила его и вернулась к столу.

– Приглашаю министров пройти со мной. Мы скоро вернемся. Пожалуйста, начинайте обедать без нас, – спокойно объявила она. Встала, пересекла комнату решительным шагом, не вязавшимся с утонченными манерами. Подошла к узкой двери, ведущей в малый тронный зал, когда-то бывший древним мегароном в крепости, выстроенной ее предками. Вместе с министрами спустилась по трем невысоким ступенькам, вошла в дверь и по расписному полу направилась к возвышению, на котором стоял трон. Древний тронный зал Эддиса был меньше, стоявший в нем трон – проще, чем церемониальный, установленный в обеденном зале. Старинный трон был совсем простым: вырезан из камня, для мягкости украшен вышитыми подушками. И Эддис, по натуре такая же простая, предпочитала его нехитрую красоту изысканному убранству нового трона. Она управляла страной из малого тронного зала, а пышный парадный зал оставила для банкетов.

Королева нетерпеливо поправила длинные юбки и села.

– Эвгенидеса арестовали в Аттолии, – сообщила она министрам. – Эту весть принес купец из столицы. Я попросила гвардейца привести его сюда.

Она не подняла глаз на военного министра. Советники встревоженно переглянулись, но продолжили терпеливо ждать без единого слова.

Гвардейцы ввели аттолийского купца, не сводя с него глаз – а вдруг он окажется не таким безобидным, как старается показать. Но он лишь стоял перед троном и тревожно теребил воротник. Знал, что принес плохую весть. Он прошел долгий путь, рассчитывая на награду, однако опасался сурового приема.

– Что тебе известно об аресте моего вора? – спросила королева, и торговец несколько раз прокашлялся.

– Его нашли во дворце и преследовали по всему городу. Схватили уже за городскими стенами.

– Его арестовали за городом? Он ранен?

– На него спустили собак, ваше величество.

– Понятно, – протянула королева, и купец нервно переступил с ноги на ногу. – Откуда ты знаешь, что это мой вор?

– Гвардейцы болтали в винной лавке. Все видели, как его ловят, мы с женой точно видели, но дело было среди ночи, и мы не знали, кто это такой. Но на следующий день солдаты в лавке рассказали. Говорили, что королева изловила эддисского вора и что... – Торговец запнулся и опять кашлянул.

– Продолжай, – тихо велела королева, стараясь подавить грозный тон, хотя у нее руки чесались схватить его за грудки и встряхнуть что есть мочи.

– Говорят, она хочет отомстить ему за то, что дразнил ее, оставлял во дворце всякие вещи, чтобы она знала, что он побывал.

Королева медленно закрыла и открыла глаза. Теперь ей хотелось хорошенько встряхнуть Эвгенидеса.

Она произнесла:

– Ты быстро проделал долгий путь.

– Да, ваше величество.

– Без сомнения, надеясь получить плату.

Купец молчал. Он загнал лошадь до изнеможения и пешком карабкался по узкой горной тропе, торопился первым доставить новость ко двору Эддис.

– Дайте ему двойной вес серебра, – велела королева гвардейскому лейтенанту. – Накормите и отправьте домой. Заплатите по серебряному грифону каждому, кто сегодня принесет эту весть. И я хочу поговорить с любимым, кто доставит свежие новости.

Купец ушел. Она долго сидела, глядя в пространство и хмурясь. Министры терпеливо ждали.

– Напрасно я послала его, – сказала королева наконец. Только так она смогла выразить весь ужас собственной ошибки. Эвгенидес говорил, что не стоит возвращаться в Аттолию так быстро после прошлого визита, что риск слишком велик. Она не послушала. Ей были нужны сведения, которые мог добыть только он. К тому же в прошлом вор с такой легкостью обводил вокруг пальца своих противников – вот Эддис и решила, что это удастся ему опять. Она его послала, и он не колеблясь пошел. Королева повернулась к военному министру. За ее ошибки расстанется с жизнью его сын.

– Простите меня, – сказала Эддис. – Выкуп она не возьмет.

Отец Эвгенидеса еле заметно кивнул.

Эддис продолжала:

– Он слишком ценен для нас и, если его отпустить, будет очень опасен для нее. Она не станет ничего делать второпях, и, если он ее дразнил и она потеряла лицо перед своим двором... Не знаю, что она решит, но решение будет жестоким. Надо подумать, – добавила она. – Подумать, что мы можем предпринять.

* * *

Эвгенидес лежал в камере. Проснулся от боли в голове, на миг приоткрыл глаза, уснул опять. Лучше бы не засыпать совсем, но не получится. Он и не пытался. Иногда, сквозь самый глубокий сон, он слышал, как кто-то окликает его по имени, усилием воли возвращался в сознание – и обнаруживал, что лежит один в темноте. Просыпался, когда в щель под дверью просовывали еду, подползал по полу и пил застоялую воду. Но на это уходили все силы, и он оставил попытки.

Постепенно каменный пол прекратил колыхаться под ним, слепящая боль утихла. Теперь голова лишь тупо ныла, чуть-чуть менее мучительно. Время от времени опять приносили воду и еду. Наконец дверь камеры распахнулась. Его рывком поставили на ноги. Опять затошнило, и он не понимал от чего: от головной боли или от страха. Оперся на стражников, попытался собрать обрывки мыслей. Его повели из тюрьмы в королевский дворец.

* * *

В блеске и роскоши своего двора королева Аттолия выслушала завуалированные оскорбления от отряда эддисийцев, пришедших из своей горной страны для переговоров об освобождении вора. Эддис послала лучших своих дипломатов, и они умело вели спор. Аттолия слушала с бесстрастным видом, хотя внутри нарастал гнев. Она не направляла в Эддис официальных извещений о том, что вор находится в Аттолии. Лишь ждала, обдумывая его судьбу, рассчитывая, что Эддис приложит усилия ради его освобождения. И никак не думала, что к ее порогу явится целое посольство и будет швырять ей в лицо угрозы, словно корм собакам.

Она взошла на трон после того, как был убит отец, и за все годы ее правления страна не знала мира. Армия хорошо оплачивалась и хранила верность, но казна была почти пуста. Она ждала хорошего урожая, чтобы снова наполнить ее, а посланник из Эддиса угрожал сгубить этот урожай. Вначале, конечно, он предложил выкуп – знал, что она не согласится. Потом несколько раз вежливо оскорбил ее, а затем заявил, что шлюзы на плотине Гамиатеса закрыты и останутся таковыми, пока эддисский вор не вернется домой. Воды из водохранилища вливались в реку Арактус, а оттуда расходились по множеству оросительных каналов, питавших самые плодородные земли ее страны. Без воды урожай высохнет под жарким летним солнцем.

Она послала за вором. Эвгенидес, представ перед ней, подслеповато моргал, словно ночной зверек, вытащенный из норы на дневной свет. Сквозь волосы проглядывал черно-желто-зеленый синяк на лбу. Рассеченная кожа над бровями покрылась коростой, но на лице осталась засохшая кровь, а черные круги под глазами были темнее синяка. Грязь на его рваном платье еще не засохла.

– Посланник твоей королевы предложил выкуп за тебя, вор, но я отказала.

Эвгенидес не удивился.

– Если я тебя отпущу, ты будешь снова и снова тайком проникать ко мне во дворец и оставлять записки возле обеденных тарелок. Я сказала посланнику твоей королевы, что не приму за тебя никакой выкуп, как бы он ни был велик, и знаешь, что он ответил?

Эвгенидес не знал.

– Сказал, что воды Арактуса перестанут течь, пока твоя королева не получит тебя обратно. Она закрыла шлюзы на плотине в горах, и все мои посевы на берегах Сеперкии будут сохнуть на корню, пока я не отправлю тебя домой. Что ты об этом думаешь?

Эвгенидес считал, что это очень хороший план, только он не сработает.

Королева потеряла лицо перед Эвгенидесом, и об этом знал весь ее двор. Более того, вряд ли она сумеет договориться о выкупе, от которого уже отказалась. И хоть Эвгенидес не причинил ей никакого вреда, разве что украл какие-то давно забытые безделушки, она наверняка считает, что он представляет для нее не меньшую опасность, чем для Сауниса. В размышлениях Аттолия легонько водила пальцем по губам.

Аттолия видела текст записки, которую Эддис год назад послала Саунису, предупреждая, что никакие замки на окнах и дверях дворца не спасут короля, если она снова пошлет за ним своего вора. И Саунис тотчас же прекратил все свои козни против королевы Эддис.

Аттолия подозревала, что треть, если не больше, ее баронов время от времени получает деньги от Сауниса на оплату своих мятежей. Как хотелось бы использовать против короля такой инструмент, как Эвгенидес! Но обычай иметь королевских воров существовал только

в Эддисе. Аттолия с горечью призналась самой себе, что, будь у нее в стране аттолийский вор, от него было бы больше угрозы, чем помощи.

Она понимала, что стены ее дворца столь же беззащитны перед Эвгенидесом, как и мегарон Сауниса, и сомневалась, что, если сейчас дать ему уйти, она сумеет поймать его во второй раз. Отпускать его нельзя, об этом не может быть и речи. Она слышала, что он резко настроен против убийства, но, подобно Саунису, не верила, что детская неприязнь к кровопролитию помешает ему исполнить приказ своей королевы. Он уже доказал ей величайшую преданность.

* * *

Она спустилась с подножия трона и встала перед Эвгенидесом. Его, кажется, не слишком волновала собственная судьба – гораздо больше интересовал золотой узор на мраморных плитках под ногами. Она ждала, и он медленно поднял голову. Нет, он не безразличен к своей судьбе. Ему страшно умирать, а еще страшнее думать о том, что с ним сделают перед смертью. Но боль в голове не давала думать, мешала сообразить, что сказать для своего спасения.

Эвгенидес посмотрел на нее и в удивлении едва заметно склонил голову набок. Он, как обычно, совсем забыл, до чего же она красива. Волосы перевязаны рубиново-золотой лентой, мягко сверкающей над темными бровями. Безупречная кожа такая светлая, что кажется прозрачной. В одежде она подражала богине Гестии, но одно дело – представить себе безликую жестокость великой богини, и совсем другое – увидеть эту жестокость на прекрасном лице королевы Аттолии. Глядя на нее, Эвгенидес улыбнулся.

Аттолия видела: в его улыбке нет ни самоуничижения, ни лести, ни расчета. Таких улыбок не дождешься ни от кого из придворных. Королева с размаху влепила ему пощечину. Его голова дернулась в сторону. Он не издал ни звука, лишь рухнул на колени, борясь с тошнотой.

– Ваше величество, – раздался хриплый голос эддисского посла. Королева резко обернулась к нему. – Не оскорбляйте богов, – предостерег он.

Аттолия снова повернулась к Эвгенидесу и стражникам.

– Повесить его, – приказала она. – Вывести отсюда и сейчас же повесить. Отослать тело в Эддис, и посмотрим, потечет ли Арактус вновь. – Она шагнула обратно к трону и оттуда обратилась к эддисийцам: – Помните, ваши боги – не мои боги. И никогда ими не станут.

Она села на трон. Стражники подняли Эвгенидеса на ноги. Он закрыл ладонями лицо, спрятанное под темными волосами.

Рядом с ней медийский посол слегка пошевелился, привлекая внимание.

– Понятия не имею, до чего еще может дойти Эддис, – сказала Аттолия. – Вряд ли ей удастся навсегда перекрыть реку.

– Может быть, и не навсегда, но достаточно надолго, чтобы обеспечить своему вору сравнительно легкую смерть, – предположил медиец.

Аттолия обернулась к нему, потом опять задумчиво посмотрела на Эвгенидеса.

– Королева Эддис очень умна, – тихо продолжал медиец, склонившись ближе. – Знает, как умирали ваши прошлые узники. Вы позволите вору уйти так же быстро?

– Стойте, – велела она, и стражники повиновались. Эвгенидес висел у них на руках. Он осторожно поставил ноги на землю и выпрямился. Королева размышляла.

Что бы ни думали о ней монархи соседних стран, она редко принимала поспешные решения и не находила удовольствия в жестокости. Если она и подвешивала предателей вверх ногами на городской стене, то только потому, что не могла обезглавливать их вдали от чужих глаз, как любил Саунис. Это было бы недопустимой роскошью. Приходилось строго рассчитывать, какое впечатление произведет любой из ее поступков. Поэтому надо тщательно продумать, какое наказание избрать для Эвгенидеса. Оно должно послужить назиданием для непокорных аристократов и в то же время удовлетворить глубокую, неизбывную ненависть

к королеве Эддис и ее вору. Нельзя допускать, чтобы Эддис подталкивала ее к торопливым действиям. Медиец прав: оскорбляя Аттолию, эддисский посланник преследовал единственную цель – разозлить ее. И этой цели он почти достиг.

Аттолия не питала особой приязни к новому послу Медии. Ей не нравились маслянистые комплименты и манера ничего не говорить напрямик, но именно такой стиль был принят при дворе, приславшем его. При этом он был весьма проницателен, а сейчас высказал верное суждение.

Если шлюзы останутся закрытыми, воды Арактуса рано или поздно переполнят водохранилище и затопят столицу Эддиса. Для Аттолии потеря годового урожая была приемлемой платой за смерть вора, однако его казнь была самым простым из вариантов и лучшим исходом, на который рассчитывала Эддис. Королева не видела причин идти навстречу надеждам соседней правительницы и не имела желаний удовлетворять их.

– Приведите его сюда, – велела она, и стражники покорно подтащили Эвгенидеса к подножию трона. Аттолия подалась вперед и всмотрелась в него. Он судорожно вздохнул, но не колеблясь встретил ее взгляд. Не дрогнул, даже когда она взяла его за подбородок. – Я поторопилась, – молвила она. Затем, глядя на Эвгенидеса, но обращаясь к стражникам, добавила: – Отведите его обратно в камеру. Пусть ждет. – И медленно произнесла: – Мне надо еще немного подумать. И потом я решу, что с тобой делать.

Эвгенидес смотрел безо всякого выражения. А когда его уводили, обернулся и бросил на нее взгляд через плечо. Интересно, догадывается ли он, какое наказание его ждет. Пусть эддисиец сколько хочет болтает об оскорблении богов, подумала Аттолия, откинувшись на спинку трона. Это не ее боги, и она не обязана их почитать.

– Жаль, что я отказалась от выкупа, – вздохнула она.

– Думаю, сумма была не слишком значительная? – отозвался медиец из-за ее плеча.

– Для вашего императора – не слишком, – подтвердила Аттолия. – Но здесь, на побережье Срединного моря, мы не так богаты, и я могла бы найти этим деньгам достойное применение.

– Тогда примите их в дар от моего императора, – предложил медиец. Аттолия на это и надеялась.

– Шутите? – спросила она медийца.

– Ничуть, – ответил он. – Ничто не доставит моему господину императору большего удовольствия, чем оказать помощь такой очаровательной властительнице.

Он изысканно поклонился, и Аттолия ответила довольной улыбкой.

Глава Третья

Эвгенидес стоял в камере, прижавшись плечами к сырой стене. Попробовал прислониться к камням затылком – спереди стало еще большее, поэтому он опустил голову на грудь. Спать уже не хотелось. Он представил себе, как дедушка ждет его у ворот загробного мира. стыдно будет признаться, что последние отпущенные часы он бесславно проспал. Эта напускная беззаботность придется старику не по вкусу.

В карманах сохранились все инструменты его ремесла, однако сейчас от них мало толку. До дверного замка не добраться, Эвгенидес уже проверил.

Он отстранился от стены и, шатаясь, побрел вдоль нее. Голова кружилась, и он вел правой рукой по стене, чувствуя под пальцами холодные камни. На ладони зияла ссадина. Боль в ней отвлекала от более сильной боли в голове и от бесчисленных рваных ран, оставленных собачьими зубами.

Он кружил по камере. Будь в ней окно – перепилил бы решетку. Свет проникал только сквозь крошечное отверстие в двери. Не было ни шатающихся камней, ни возникших как по волшебству туннелей, а дверь оставалась надежно запертой.

Он неслышно воззвал к богу воров, но даже не знал, о чем попросить. О быстрой смерти? Молить о чудесном бегстве из Аттолии – это, пожалуй, слишком. В конце концов он взмолился о помощи, любой помощи, и пусть бог сам решит, какая будет нужнее.

* * *

В щель под дверь просунули лоток с едой. Эвгенидес доковылял до двери, выглянул в зарешеченное окошко. Снаружи стоял тюремщик.

– Слыхал, она хотела тебя повесить, но передумала, – сказал тюремщик. – Не беспокойся, приятель, к лучшему она не передумывает. – Он расхохотался и шарахнул дубинкой по прутьям решетки. Эвгенидес еле успел отдернуть пальцы. – Подкрепись. Может, в последний раз, – посоветовал тюремщик и ушел.

Эвгенидес сел, выпил водянистую похлебку, оставил у миски черствый кусок хлеба. Еда ему не понравилась, но при всей своей слабости он ждал ее с нетерпением, какого, должно быть, не знали другие узники королевской тюрьмы. Встать уже не хватило сил. Он не мог ни прислонить голову к стене, ни опустить ее на согнутые колени. В конце концов нехотя лег, кое-как пристроив голову на согнутые руки, и вокруг опять сомкнулась тьма. И пусть дедушка сколько угодно поливает его презрением.

Тюремщик вернулся не скоро. Эвгенидес все еще спал.

– Гляди веселей! – крикнул тюремщик в окошко. – Она решила, что с тобой делать.

Пока он отпирал дверь, Эвгенидес с трудом поднялся на ноги. Встретил стражников стоя, хоть и пошатываясь.

Они подхватили его под руки и повели по длинным подземным коридорам. Подошли к каморке, где воняло кровью. Он почувствовал этот запах еще снаружи и замешкался в дверях, но его втолкнули. Он судорожно вздохнул и переступил через порог. В круглом очаге, окруженном невысокой стенкой, пылал огонь. Вокруг были железные инструменты с длинными рукоятками, похожие на кузнечные, но они не висели на стене, а лежали концами в огонь, нагреваясь. Огонь чадил, стоял невыносимый жар.

В стороне громоздилась большая деревянная рама, оплетенная веревками и шкивами; на крючьях вдоль стен висели приспособления, которых не хотелось видеть. А посреди комнаты, боком к огню, покрытое пылью, словно долго-предолго хранилось в дальнем углу, стояло кресло с очень длинными подлокотниками и ременными петлями.

Возле кресла, в парадном зеленом платье цвета шафрановых листьев, ждала королева Аттолии. Вокруг ворота платье было украшено цветочной вышивкой: белые лепестки на зеленом фоне и изящные листья на тон темнее, чем платье.

Вор остановился в дверях. Перевел взгляд с королевы на кресло. Недоумевал он всего мгновение. Снова посмотрел на нее, потом воззвал к богу воров: «Боже мой, нет! Не надо!» – и кинулся прочь. Стражники поймали его. Он обвис у них на руках, потом снова встал на ноги и ладонью врезал стражнику под нос. Стражник упал как подкошенный, но на этом ударе иссякли все силы вора. Он схватился за дверные косяки, но ему отогнули пальцы один за другим и брыкающегося приволокли к креслу.

Стражники ругались на чем свет стоит, но с его губ не слетело ни звука, только этот краткий призыв к своему богу. Королеве казалось, что верующие в Эддисе так же редки, как и в Аттолии. Однако вор, кажется, взмолился искренне, а не по привычке. Аттолия давно заметила, что в критические мгновения вера возвращается. Она и раньше видела такое.

Наконец стражники усадили его в кресло и стукнули головой о спинку. Весь боевой дух, какой в нем оставался, вылетел с последним вздохом. Его глаза закатились, голова упала на грудь. Через некоторое время веки приоткрылись, он снова приподнял голову. Шелохнуться не мог – кожаные петли держали крепко.

– Ваше величество, – с отчаянием произнес он. – Позвольте служить вам. Позвольте стать вашим вором.

Аттолия покачала головой:

– Однажды я уже предлагала тебе перейти ко мне на службу. Ты отказался – сказал, что предпочитаешь служить госпоже, которая добрее меня.

– Я мог бы перейти к вам на службу сейчас, – прошептал Эвгенидес.

– Неужели?

– Да! – поклялся вор и подался вперед, натянув ремни. Она видела, как напряглись жилы у него на шее.

С весьма убедительной серьезностью королева спросила:

– И что ты мог бы украсть для меня, вор?

– Всё что угодно, – заверил он. – Я могу украсть всё что угодно.

– И почему я должна тебе доверять?

– Я дам свое слово.

– Твое слово? – насмешливо воскликнула королева. – А что в нем проку?

Никакого.

Аттолия улыбнулась:

– А как же твоя королева? Что она предпочтет – видеть твои страдания или знать, что ты служишь мне? Она сказала тебе это, отправляя из Эддиса?

Сказала.

– Ну конечно, – продолжала Аттолия. – У Эддис нет ничего нужного мне, поэтому ты не представляешь для нее угрозы. Ты превосходный инструмент – тебя нельзя направить против твоей хозяйки.

Она склонилась над ним, потянулась обеими руками. От ее прикосновения он вздрогнул, но она лишь взяла его лицо в ладони и заглянула в глаза.

– Послав тебя, твоя королева решила, что ей ничто не грозит, потому что я не могу использовать тебя против нее. А по-моему, могу. И я хочу совсем не того, что желала бы дать мне Эддис. Ваш посол сказал, – продолжала Аттолия, – что твоя королева признаёт за мной право повесить тебя. Но не заporоть до смерти, не подвесить вверх ногами на дворцовой стене, не заморить голодом в клетке во дворе. Он сказал, что я не должна выходить за рамки законов и обычаев. Сказал, иначе я могу оскорбить богов, правда, не уточнил, каких именно. Мне безразлично мнение любых богов, но, кажется, обычаи помогли мне найти наилучшее решение.

Она выпустила его и отступила на шаг. Могучий тюремщик снял со стены кривую саблю. Эвгенидесу и до этого было страшно, так страшно, что сердце в груди словно превратилось в камень. Но при виде сабли в руке тюремщика он поднял глаза на королеву – и в камень превратился весь мир. Воздух загустел, не давая дышать. Он дернулся, сражаясь с ременными петлями, с густым воздухом, с жестокой непреклонностью королевы Аттолии.

– Умоляю, – простонал он с разрывающимся сердцем.

Тюремщик поднял саблю. На миг она блеснула в языках пламени и опустилась, глубоко впившись в деревянный подлокотник. Правая рука осталась по ту сторону лезвия.

Аттолия видела, как дернулось его опутанное ремнями тело. Ждала вскрика, но он не издал ни звука. Отвернулся, чтобы не видеть свою правую руку, и от лица отхлынула вся кровь. Глаза были плотно закрыты, рот искажен болью.

Он тщетно пытался вздохнуть, а мысли кружили, как птицы, не видящие насеста, искали способ изменить правду, переубедить королеву Аттолии, но ее решение было окончательным, поступок – необратимым.

– Эвгенидес, – услышал он сквозь муки ее холодный голос, – вышла ли я за рамки обычаев? Оскорбила ли богов?

И кто-то его голосом прошептал:

– Нет, ваше величество.

– Прижгите рану, – коротко велела королева. – Позовите лекаря, пусть осмотрит. Чтобы не было заражения.

Железо для прижигания было уже готово, и она осталась посмотреть, закричит ли он. Вор снова дернулся в ременных путах, но не издал ни звука, лишь резко вдохнул и уже не выдохнул. Губы посинели, и он потерял сознание. Голова упала на грудь, темные волосы закрыли лицо. Она склонилась проверить, дышит ли он, потом снова велела лекарю осмотреть рану и ушла.

Поднимаясь по узкой лестнице в верхние этажи дворца, она отронила смутную тревогу и сосредоточилась на других делах. Куда временно переместить двор? Хорошо бы куда-нибудь подальше от моря. Пора бы посмотреть, чем там заняты бароны. Надо отдать приказ паковать вещи.

* * *

Три дня спустя она подошла к дверям камеры вора. Издалека слышала его стоны. Постояла, прислушиваясь к хриплому дыханию, пока глаза привыкали к темноте.

Он лежал на боку в углу камеры, прижимая к груди искалеченную руку и поджав колени. В сыром тюремном холоде обливался потом и не шелухнулся, пока Аттолия не ткнула его ногой в изящной туфельке. Открыл глаза и посмотрел на нее безо всякого выражения. Лампа,

которую кто-то держал позади нее, осветила его лицо, и она разглядела шрам на щеке. Кожа была такая бледная, что шрам казался темным.

Глаза были ясными, и она заглянула в них, рассчитывая увидеть ненависть, с которой часто сталкивалась в тюрьме, однако в глазах Эвгенидеса стояли лишь лихорадка, боль да какое-то чувство, которому она не смогла подобрать названия.

– Умоляю, – прошептал он голосом тихим, но ясным. – Не надо больше меня мучить.

Аттолия отпрянула. Однажды в детстве она в сердцах швырнула туфельку и сбила с пьедестала амфору с маслом. Амфора была ее любимая. Она разбилась, и аромат масла для волос витал в воздухе несколько дней. Она до сих пор помнила этот запах, хотя и не понимала, почему нюхая камера могла воскресить в памяти воспоминания о нем.

Она снова склонилась над Эвгенидесом, чтобы убедиться, достигло ли цели наказание.

– Эвгенидес, – сказала она. – Что ты можешь украсть теперь? Одной рукой?

– Ничего, – безнадежно ответил он.

Аттолия кивнула. Пусть Эддис хорошенько подумает, прежде чем засылать к ней своего любимца. Внезапно королева поняла, что он очень молод. До сих пор она не задумывалась о его возрасте и сейчас напонила себе, что это не имеет значения. Важна только угроза, исходящая от него. И все-таки, глядя на скорчившееся тело, она немного удивилась, что Эддис отправила на опасное дело почти мальчика. Впрочем, и сама Эддис не намного старше, подумала королева. Она, Аттолия, по возрасту не сильно опережает Эддис, однако занимает престол гораздо дольше и имеет больше опыта. Королева обернулась к тюремщику.

– Я просила лекаря осмотреть его.

– Он и осмотрел, ваше величество.

– Укусы на ноге воспалились. – Она указала пальцем на опухшую покрасневшую кожу, видневшуюся сквозь дыры в одежде.

Тюремщик внезапно насторожился:

– Он проверил ожоги, как вы и приказали, ваше величество.

– Только ожоги?

– Вероятно, ваше величество. Таков был ваш приказ, ваше величество.

Аттолия раздраженно вздохнула. Чувство знакомое и, по правде сказать, в чем-то даже приятное.

– Если я не хотела, чтобы он умирал от одного заражения, то разве могла желать ему смерти от другого?

– Простите, ваше величество. Мне очень жаль.

– Пожалеешь еще сильнее. – И обернулась к капитану личной гвардии: – Доставить его в Эддис, пока живой.

Она вышла из камеры и по бесчисленным дворцовым лестницам направилась в личные покои. Через гостиную прошла в спальню, отослала бесчисленных служанок, села в кресло и долго смотрела, как над морем угасают последние лучи заката. Выкинула из головы мысли о воре, лежавшем на полу холодной камеры, но никак не могла отделаться от воспоминаний о своей любимой амфоре, разбитой, и о расплескавшемся масле.

Глава Четвертая

Королева Эддиса вышла во двор встречать своего вора. Рядом с ней стояли те из придворных, кого она не смогла никуда отослать. Ей вспомнилось, как однажды Эвгенидес поинтересовался, почему события с ее участием обычно превращаются в цирк и почему ему отводится роль танцующего медведя. Наконец показался паланкин, больше похожий на клетку, хотя окна были закрыты занавесками, а не решетками.

Несли паланкин эддисские солдаты. Они приняли его от аттолийцев у подножия горы и осторожно подняли по извилистой дороге, петлявшей вдоль старого русла реки Арактус. Аттолийцы шагали рядом, замыкали шествие эддиский посланник и его свита. Встретившись глазами с королевой, он еле заметно покачал головой, предупреждая: готовьтесь к худшему. Он уже передал ей донесение о том, что происходило в Аттолии.

Получив с гонцом вести от посланника, Эддис велела всем выйти и в одиночестве долго сидела на троне. Когда свет в потолочных окнах сменился сумерками, пришел слуга со свечами для ламп, но Эддис отослала его. В тот вечер парадного обеда не было. Придворные поужинали в своих покоях, и наконец самая пожилая из служанок пришла уговорить королеву лечь в постель.

– Сидя здесь, в темноте, ты ничего не сможешь сделать, дорогая моя. Ложись спать, – уговаривала Ксанта.

– Я могу думать, Ксанта. И мне надо подумать еще немного. Скоро я поднимусь к себе, честное слово.

Ксанта удалилась в королевские покои и стала терпеливо ждать. Так прошла ночь.

Утром королева переговорила наедине со своими министрами и настроилась на долгое ожидание. Она понимала, что Аттолия отправит Эвгенидеса домой, только когда закончит с ним, и ни минутой раньше.

Паланкин был красивый. В нем, вероятно, носили кого-нибудь из аттолийской знати по узким улочкам старых городов. Раздвижные двери запирались снаружи, чтобы сохранить внутреннее убранство и ткани, когда паланкин простаивает. А еще они позволяли держать вора под замком, пока его не доставят в Эддис. Эта предосторожность была излишней, но аттолийские гвардейцы, посланные с паланкином, получили приказ торопиться и не рисковать.

Они передали свою ношу эддисийцам и проследовали с ними в горы, чтобы убедиться, что пленник доставлен по адресу. Как только паланкин опустили на землю, старший аттолийский офицер вышел вперед и отдернул занавеску, прикрывавшую окно.

– Дайте ему руку, а то не сможет выйти, – сказал он, и остальные аттолийцы подавили смешки. Офицер схватил Эвгенидеса за шиворот, стащил бесчувственное тело с подушек и швырнул на прогретые солнцем камни двора.

– Наша королева велела передать: вот так мы в Аттолии поступаем с ворами. И она ждет возвращения воды в Арактус, – заявил аттолиец, но под бесстрастным взглядом королевы его

дерзкая ухмылка потускнела. Издалека ей не было видно, жив ее вор или мертв, и, похоже, ее это не интересовало. У аттолийца волосы встали дыбом, и он потер затылок, начиная понимать, что его послали с этим поручением просто потому, что гвардейскому капитану было безразлично, сохранит он голову на плечах или нет.

– Гален, – позвала королева, но дворцовый лекарь со своими помощниками уже спешил к несчастному.

– Еще жив, – сказал Гален, проверив, бьется ли сердце. Хотел поднять юношу, но военный министр похлопал его по плечу, сам взял сына на руки и отнес во дворец. Толпа разделилась надвое, пропуская его; случайные зрители, бросив короткий взгляд на лицо Эвгенидеса, тотчас же поднимали глаза на аттолийцев.

Аттолийцы сбились в кучку, переминаясь с ноги на ногу. Эддис позвала дворецкого.

– Эти люди проголодались. Накормите их перед обратной дорогой в Аттолию. Проследите, чтобы им заплатили за труды по возвращению нашего вора.

Аттолийцы встревоженно переглянулись, опасаясь, что расплата будет губительной, но нет. Отрубать посланцам головы – так поступила бы Аттолия. Но Эддис не такова. Здесь им выдадут по серебряному грифону, по полной тарелке еды и проводят к границе.

Обращаясь к старшему из аттолийцев, королева сказала:

– Передайте Аттолии, я освобожу воды Арактуса. К закату они потекут.

Это была чистая формальность. Новость о том, что вода пошла, достигнет Аттолии задолго до гонцов. Эддис обернулась, и толпа, еще не успевшая сомкнуться после прохода военного министра, снова разделилась перед ней и молча потянулась во дворец.

Эддис села на трон.

– Где наш вестовой? – спросила она, и вперед шагнул солдат, на которого в тот день была возложена обязанность доставлять королевские послания.

Она обратила внимание, что это был один из ее ближайших родственников. Это к лучшему.

– Кродес, – сказала она. – Отнеси инженеру на плотине приказ открыть шлюзы и выпустить воды Арактуса нынче вечером, как мы и договаривались. Потом отправляйся к дежурному офицеру на мосту возле ущелья.

Государство Эддис лежало в горах между двумя другими странами – Саунисом и Аттолией. Вся торговля между двумя прибрежными странами шла через одно-единственное ущелье в Гефестийских горах. Оно было прорезано в мягких известняках рекой Сеперкией, текущей из Аттолии к Саунису и впадающей в Срединное море. Все торговые пути между Аттолией и Саунисом поднимались к этому горному ущелью, пересекая по дороге несколько мостов, самым важным из которых был Главный мост, перекинутый через пропасть, образованную Сеперкией у верхнего конца ущелья. По одному берегу не было проходимого пути в Аттолию, по другому берегу не было пути в Саунис. Весь транспорт сходился, как в бутылочном горлышке, на этом мосту, а его контролировал Эддис.

– Передай офицеру на мосту вот что, – продолжала королева. – Я благодарю его за успешное выполнение своих обязанностей и повелеваю задержать следующих десять аттолийских купцов и их караваны. Пусть конфискует всё, кроме одежды у них на плечах, и отпустит на свободу. Если будут протестовать, пусть велит им обращаться за возмещением убытков к своей королеве.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Ваше величество, – заговорил аттолийский посланник, и все в зале обернулись к нему. – Я обязан сообщить вам, что эта новость не будет благосклонно воспринята моей королевой.

– Я так и думаю. – Королева снова обратилась к вестовому: – Кродес, передай уточнение: следующие десять *больших* караванов.

С политической точки зрения утрата Эвгенидеса была жестоким ударом. Саунис не оставлял надежд расширить свои границы, и удерживал его только страх перед тайным убийством. Но Аттолия стремилась не только к политической победе. Если бы она хотела оставить Эддис без королевского вора, то могла бы просто казнить его. Но она старалась как можно сильнее уязвить Эддис, и это ей удалось. Такой урон не загладит даже сотня торговых караванов. Мысленно вздохнув, королева откланялась и пошла наверх навестить своего вора.

* * *

В библиотеке никого не оказалось, но соседняя дверь в кабинет и спальню Эвгенидеса была открыта. Эвгенидес лежал на кровати, над ним склонился Гален, дворцовый лекарь. Увидев королеву, он выпрямился.

– Он без сознания? – спросила Эддис.

– Я напоил его лекарством, – ответил Гален. – Дал несколько капель летиума. – Хорошо, что она не пришла раньше. Эвгенидес был в лихорадке и, очнувшись, никого не узнавал. Пришлось его держать и насильно вливать летиум в рот. И трудно сказать, много ли лекарства попало в желудок и сколько он выплюнул.

– Как его рука? – спросила королева.

Лекарь покачал головой и указал на грязные повязки.

– Рукой я еще не занимался. Думаю, рану хорошо прижгли, иначе запах был бы сильнее. – Он откинул волосы со лба Эвгенидеса. – Голова не разбита, в этом ему повезло. Видите, какие синяки? Если бы череп треснул, он бы не дожился до сегодняшнего дня. Меня больше волнует его правый глаз, туда попала инфекция. Посмотрите, сколько гноя на ресницах. – Лекарь осторожно провел пальцем по веку, стараясь не задевать ресницы. – Если это тюремная зараза, – объяснил врач, – то он потеряет зрение на этом глазу, а если инфекция распространится дальше, ослепнет на оба. – Он беспомощно пожал плечами.

В комнату вошли двое слуг с кувшинами теплой воды.

– Вы можете это вылечить?

– Я не окулист. В городе есть глазной врач, я уже послал за ним, но, насколько мне известно, лечения не существует. Один человек в Аттолии говорит, что у него есть мазь, не дающая инфекции распространяться, но правда ли это и приедет ли он сюда... – Гален развел руками.

– Если я велю, он приедет, – сказала королева.

– Он аттолиец, ваше величество.

– Все равно приедет, – отрезала она.

Лекарь поднял глаза. Королева ответила короткой жесткой улыбкой. Она не шутила. Если надо, она силой увезет этого аттолийца и притащит в горы.

– Ваше величество, может, это и не тюремная зараза. Скоро приедет глазной врач из города.

– Как скоро?

– Через час или два. А до тех пор, ваше величество, мне надо поработать.

Эддис кивнула:

– Тогда я вас оставляю. Сообщите мне, что скажет глазной врач.

* * *

Когда Эддис ушла, лекарь посмотрел на Эвгенидеса и увидел, как блеснули сквозь ресницы его глаза. Присмотрелся получше.

– Тебе надо выпить еще летиума.

– Не буду, – прошептал Эвгенидес.

Лекарь посмотрел на повязки. Пора их менять.

– Будешь. – Он вышел, влил несколько капель лекарства в роговую чашку с водой. А когда вернулся, Эвгенидес внимательно смотрел на него широко раскрытыми глазами. Врач приподнял чашку, и Эвгенидес отвернулся. – Молодой человек, хватит меня злить.

– Гален, – прошептал он. – Как ты думаешь, если человек покалечен в этой жизни, в загробном мире он тоже останется калекой?

Врач опустил чашку:

– Тебе лучше знать.

– Нет, – ответил Эвгенидес. – Я не знаю.

Гален опять поднял чашку, но Эвгенидес упрямо отворачивался.

– Гален, я не хочу быть слепым, когда умру.

Гален молча сел с чашкой в руках. Помощники удалились.

– Ты еще не скоро умрешь.

– Я не хочу быть слепым, когда умру, даже если доживу до ста лет.

– Думаешь, я хочу влить тебе в горло чашку летиума и отпустить с богами? – спросил наконец Гален.

– Я был бы благодарен, – ответил Эвгенидес.

– Я дал клятву лечить людей.

Эвгенидес не стал спорить. Лишь повернулся и посмотрел на врача. Его глаза, обведенные черными кругами, лихорадочно горели. На желтоватой щеке отчетливо выделялся шрам.

Гален вздохнул:

– Может, это никакая не тюремная зараза, и нечего тут толковать о клятвopеступлении. – Он поднял чашку. – Выпей наконец.

Когда Эвгенидес проснулся, уже стемнело. Пришел глазной врач. Комната была залита светом свечей, отражавшихся от бесчисленных стеклышек в створчатых окнах. Возле кровати сидели двое. Гален разбудил его, осторожно тронув за руку, но даже такое легкое прикосновение отозвалось болью во всем теле – такой сильной, что трудно было понять, откуда она исходит. Голова раскалывалась, в оба глаза словно насыпали раскаленного песка.

Глазной врач осмотрел его с предельной осторожностью, то поднося к лицу горящую свечу, то снова отодвигая.

– Когда ты заметил воспаление?

Эвгенидес покачал головой и сразу пожалел об этом. Он не знал, какой тогда был день и долго ли он сидел в королевской тюрьме. Попробовал вдуматься, но мысли покачивались на краю черной бездны, наполненной воспоминаниями, грозившими захлестнуть с головой и утянуть на дно.

– Еще до того, как мне отрубили руку, – вымолвил он наконец.

Окулист переглянулся с лекарем.

– Примерно неделю назад. Может, дней десять.

Глазной врач снова поднял свечу. Эвгенидес поморщился, но не издал ни звука.

– Простое воспаление, – сказал наконец окулист. – Будь это тюремная зараза, глаз был бы более красным и гораздо чувствительнее к свету. Держите глаза в чистоте, постарайтесь лучше накормить больного. – Он посмотрел на Эвгенидеса и твердо произнес: – Каждый год этим хворают сотни маленьких детишек, и у всех зрение остается в порядке. На этот счет тебе не о чем беспокоиться.

«На этот счет», – подумал Эвгенидес. Когда Гален предложил ему еще одну дозу летиума, выпил и уснул.

* * *

В Аттолии королева сидела за обеденным столом. Зал освещался лучшими свечами, еда была превосходная. Но королева почти ничего не ела.

– Ваши мысли сегодня где-то витают, ваше величество, – сказал мужчина, сидевший на почетном месте по правую руку от нее.

– Ничего подобного, Нахусереш, – заверила Аттолия медийского посла. – Ничего подобного.

* * *

Лихорадка становилась все сильнее. Эвгенидес провалился в бездну воспоминаний, и Гален снова и снова поил его летиумом, чтобы дать немного отдохнуть. Он уже не узнавал ни Галена, ни его помощников, отказывался от лекарства и кричал. Его приходилось держать силой, и Гален, налегая всем весом на грудь, вливал лекарство в рот, а чтобы не выплюнул, закрывал рот ладонью и зажимал нос. Эвгенидес не мог вдохнуть, пока не проглотит летиум, и боролся изо всех сил, отворачивая голову. Гален чувствовал, как изгибается дугой тело юноши, когда тот пытается сбросить тяжесть с груди. Но все равно он глотал лекарство, лишь когда доходил до полного изнеможения и почти терял сознание.

Эддис, белая как полотно, сидела в библиотеке.

– Ему не понравится, что вы это слышите, – сказал военный министр, усаживаясь рядом. Он тоже пришел в библиотеку проведать сына.

– Вы когда-нибудь?..

– Слышал ли я, как он вот так кричит? Нет.

Эддис потеряла счет времени. Крики звучали так, словно их вытягивали из Эвгенидеса клещами.

– Ему стало хуже?

Отец Эвгенидеса покачал головой:

– По-моему, без изменений. – Он сел в кресло. – Если он так борется, когда в него вливают летиум, значит, силы еще остались.

– И вот так каждый раз?

Военный министр кивнул. Королева внезапно вскочила с кресла и встала в дверях спальни.

– Эвгенидес! – рявкнула она.

Гален поднял голову, думая отослать ее, но корчащаяся фигура на кровати внезапно застыла. Эвгенидес открыл глаза и растерянно заморгал. Все вокруг расслабилось.

– Прекрати валять дурака и выпей летиум! – приказала королева.

Эвгенидес сглотнул и вздрогнул. Горькая жидкость просочилась в желудок. Гален убрал руку.

– Моя королева? – смущенно прошептал Эвгенидес.

– Спи, – велела Эддис. Эвгенидес, покоряясь королеве и действию летиума, закрыл глаза.

Она вернулась в библиотеку и снова села.

– Подействовало, – заметил военный министр.

– Еще посмотрим, что скажет Гален, – угрюмо отозвалась Эддис и осталась ждать, словно позабыв, что у нее назначена встреча с министром торговли. Появился лекарь. К ее удивлению, он остался доволен результатом королевского вмешательства.

– Он вас узнал. А до сих пор никого не узнавал. Возвращайтесь, когда сможете.

* * *

В то утро Эддис сидела у постели Эвгенидеса и ждала, когда он проснется. Спросила Галена о синяках под глазами. Он сказал: это остатки старой крови, застоявшейся под кожей. Это она знала и без него, но не понимала, почему не сломан нос, раз круги под глазами такие темные. Гален объяснил: это кровь, которая просочилась в глазницы после удара по лбу. По его словам, круги исчезнут через несколько недель, не раньше. А тем временем лицо с синяками казалось еще худее и бледнее.

Она сидела и смотрела, как он спит. Ей и раньше нередко доводилось видеть его с синяками. Обычно он получал их в драках с многочисленными родственниками. Они дразнили его из-за имени и стали дразнить еще сильнее, когда заметили, что дед все больше и больше интересуется внуком. Язык у Эвгенидеса часто бежал впереди мыслей, и в ответ на насмешки у него всегда находилось острое словцо. Иногда оно настолько метко попадало в цель, что обидчики переключали внимание на того, кто стал мишенью, и оставляли Эвгенидеса в покое. Но чаще стычки заканчивались драками и синяками.

После смерти матери Эвгенидес не откладывая сообщил отцу, что хочет стать следующим эддисским воров. Отец, еще не оправившись от потери жены, пришел в бешенство. Эвгенидес с отцом подрались на виду у всего двора. В душе у каждого горе выплескивалось в гнев. Родственники, боготворившие военного министра, удвоили нападки на Эвгенидеса, и драки продолжались до тех пор, пока Эддис не переселила его из общей мальчишеской спальни в единственную свободную комнату – переднюю редко посещаемой дворцовой библиотеки.

Эвгенидес вытер пыль с книжных полок и отточил до блеска свое зачаточное умение читать. В нем проснулась тяга к наукам, нередкая среди эддисских воров, и время от времени, после драк с родичами, в которых он бывал жестоко бит, он удалялся в библиотеку и свою спальню-кабинет зализывать раны. В такие периоды затворничества Эддис часто навещала его. Она не заступалась за него. Было ясно, что он сам напросился на свои беды и что его никак нельзя назвать безвинной жертвой. Его родные то и дело вдруг теряли дорогие им вещицы и находили их на храмовом алтаре, навеки посвященном богу воров. На сторону родичей, приходивших жаловаться, Эддис тоже не вставала. Они приходились родней не только ему, но и ей, и она тоже частенько дралась с ними. Драки прекратились лишь тогда, когда один за другим в считанные дни скончались от лихорадки двое ее старших братьев и она стала наследной принцессой Эддиса. Через несколько месяцев она взошла на трон, и после этого никто уже не дрался с ней в открытую, разве что вежливо, формально, назойливо. Никто, кроме Эвгенидеса – тот продолжал насмехаться над ее вкусом в одежде и попрекать родственниками, как будто они существовали лишь по ее вине.

– Прогони их всех, – предлагал он.

– Ты же знаешь, не могу. Когда-нибудь они станут офицерами в моей армии, займут посты министра торговли и казначея.

– Можешь сделать офицером меня.

– В последней стычке с отцом ты порвал приказ о зачислении в армию.

– Я стану твоим министром...

– Казначеем? Ограбишь меня подчистую.

– У тебя я никогда ничего не украду, – с жаром пообещал он.

– Неужели? А где мое турмалиновое ожерелье? Где мои пропавшие сережки?

– То ожерелье ужасно. Это был единственный способ помешать тебе носить его.

– А сережки?

– Какие сережки?

– Эвгенидес! – рассмеялась она. – Если Клеон тебя отлупит, поделом тебе.

Она никогда не тревожилась из-за его жалоб. Тревожилась, лишь когда он затихал. Либо замышляет что-то настолько возмутительное, что весь двор стянется к ее трону, требуя его крови, либо ссорится с отцом, либо – что случалось очень редко – серьезно ранен. Однажды один из родичей в драке сломал ему несколько ребер; в другой раз он поскользнулся, перелезая через обледенелую стену, и упал на подвернутую ногу. Падение с высоты – главная опасность для всех воров, часто смертельная. Именно так закончила свои дни его мать.

Когда ему было очень плохо, он лежал, побледневший и тихий, не выходил из комнаты, пока не становилось лучше, а потом, когда начинал поправляться, беспрерывно ныл. Однако он не рассказал ей, кто сломал ему ребра и как он растянул колено. Бесчисленные рьяные доносчики наябедничали, что это сделал Титус, а подробности другого случая она вытянула из дворцового лекаря, который, в свою очередь, вытянул их из Эвгенидеса, пока лечил ему ногу. Гален тоже привык видеть Эвгенидеса в синяках и слушал его жалобы без видимого сочувствия.

* * *

Эддис склонилась над Эвгенидесом и откинула волосы с его влажного лба. Гален коротко остриг длинные волосы вора, и без них он выглядел совсем иначе. Раньше ей и в голову не приходило, что его волосы, став короче, будут завиваться мелкими кудряшками на висках и за ушами. Она поправила один из таких локонов.

Он открыл глаза и еле слышно произнес:

– Моя королева.

– Мой вор, – грустно ответила она.

– Она знала, что я был во дворце, – сказал он тихим, очень усталым голосом. – Знала, где я прячусь, знала, каким путем буду уходить из города. Всё знала. Прости.

– Напрасно я тебя послала.

Он покачал головой:

– Нет. Это я наделал ошибок. Только еще не знаю каких. Пытаюсь понять. Не знаю. Я подвел тебя, моя королева. – Его голос стал слабее. – Прости, – повторил он. – Прости.

– Простить... – протянула Эддис. – Рано или поздно она будет висеть вниз головой на собственной дворцовой стене. – Она смяла в кулаках тонкую ткань своего платья. Расправила, встала и принялась расхаживать по комнате. – Если я тебя огорчу, Гален меня вышвырнет, – сказала она, усаживаясь обратно.

– Ты меня не огорчаешь. Приятно видеть, как ты ходишь и бушуешь. Она не бушует, – сказал он, глядя в пространство. – Когда она сердится, то просто сидит, и когда печалится, тоже сидит. И даже когда счастлива, тоже, наверное, сидит. – Это была его самая длинная речь за много дней. Умолкнув, он закрыл глаза. Эддис решила, что он уснул. Встала и отошла к окну. Оно было высоко – подоконник на уровне ее глаз, стеклянные створки доходили почти до потолка. Встав на цыпочки, она выглянула во двор. Никого. – Она была в своем праве, – раздался за спиной голос Эвгенидеса.

Эддис резко обернулась.

– Ничего подобного!

– Это обычное наказание для воров.

– Не говори глупостей, – выпалила Эддис. – В Аттолии уже сто лет не отрубают руки ворами. И вообще ты не обычный вор. Ты мой вор. Ты из королевской семьи. В твоём лице она напала на весь Эддис, и ты это понимаешь.

– Эддису нечего было являться к ней во дворец, – прошептал Эвгенидес. Королева поняла, что он устал.

– А Аттолии нечего заигрывать с медийцами, – повысила голос она.

Гален открыл дверь и бросил на нее предостерегающий взгляд.

– Уйди! – бросила она.

Он покачал головой, но отступил, оставив дверь открытой.

– Это поступок, достойный варвара! – обернулась Эддис к Эвгенидесу. Его глаза были закрыты. – И она за него поплатится, – добавила королева, уходя.

* * *

Она вышла в библиотеку. Гален отвесил ей очень официальный поклон, принес извинения и прошел в спальню. Осмотрев Эвгенидеса и напив его снотворным, вернулся в библиотеку. Эддис ждала его там. Сидела в одном из кресел, поджав ноги.

– Ну вот, теперь вы оба плачете, – сказал лекарь.

Эддис всхлипнула:

– Я злюсь.

– А у него не хватает сил выносить ваш гнев. – Лекарь взглянул беспомощно.

– Понимаю, – вздохнула королева. – У него не хватает сил слушать, как я кричу, и, если он умрет, виновата буду только я, и я уже виновата в том, что он потерял руку, и надо благодарить богов за то, что он не ослеп. – Она чуть приподняла подол и краем нижней юбки вытерла глаза. Всхлипнула и встала.

Гален смотрел на нее с иронией. Она улыбнулась ему:

– Ну же, продолжайте свою лекцию.

– Которую? – осведомился Гален.

Эддис прижала руку к груди и с выражением заговорила:

– Если после долгих лет службы вашей семье вы придете к выводу, что к моим советам не следует прислушиваться и я должен оставить свой пост, то это в вашей власти, но покуда я являюсь дворцовым лекарем, то буду настаивать, чтобы ради благополучия пациента мои предписания неукоснительно выполнялись... Я верно излагаю?

– Да.

– И остальное я тоже могу угадать.

– Спасибо, ваше величество, – поклонился Гален. – Я рад, что мне не пришлось говорить этого самому.

* * *

С тех пор королева Эддиса стала навещать Эвгенидеса, пока он спал. Лихорадка миновала, но он страшно похудел и обессилел, только спал дни и ночи напролет. Гален сказал, силы вернутся к нему, нужно только время.

В те редкие моменты, когда Эвгенидес просыпался, Эддис толковала с ним об урожае, который обещал быть хорошим, о погоде, которая тоже была хорошей, и никогда не упоминала о своих встречах с министрами, с управляющими рудников, с начальником королевской кузницы, с командирами своей небольшой армии, о бесчисленных дипломатических письмах, прибывающих из Сауниса и Аттолии. Когда его боль стихала и он дольше бодрствовал, она пересказывала ему дворцовые сплетни и извинялась за то, что приходит нечасто.

– Даже будь ты не так занята, Гален все равно бы тебя не пустил.

– Верно, – подтвердила королева. – И он слушает наши разговоры, боится, как бы я тебя не огорчила. Наверняка и сейчас стоит, прижав ухо к двери, – прошептала она, и ответом была нечастая улыбка.

Она откинулась на спинку кресла, сняла с головы тонкий золотой обруч и провела пальцами по коротким волосам.

– Как мне все надоело, – пожаловалась она. – С рассвета и до заката ко мне каждый миг кто-нибудь подходит и о чем-нибудь спрашивает. Ксанта, когда будит меня по утрам, спрашивает, хочу ли я позавтракать. Лучше бы просто поставила тарелку передо мной. Одной проблемой было бы меньше.

Он не стал спрашивать, какими проблемами она так занята. А она не стала рассказывать.

– Загляну через несколько дней, если смогу. – Она склонилась над кроватью и поцеловала его в лоб. – Поешь чего-нибудь. – И ушла.

* * *

Королева Аттолии внимательно выслушала доклад, присланный ее послом из Эддиса.

– Значит, лихорадка его не убила, – заметила она.

– Кажется, нет, ваше величество.

– Очень хорошо, – ответила королева.

Глава Пятая

Когда в горах уже наступила ранняя осень, Эвгенидесу наконец надоело лежать и глазеть в потолок. Он усилием воли встал с постели и выглянул в окно. Во дворе на земле выпала изморозь. Армейский вестовой гарцевал на горном пони, уже обросшем лохматой зимней шерсткой. Эвгенидес отошел, сел в кресло у камина, давно поджидавшее его. Он был одет в теплый халат и тапочки. На обрубке руки белела чистая повязка. Вообще-то она была уже не нужна, рана зажила, но Эвгенидесу не хотелось на нее смотреть, и повязка казалась наилучшим выходом.

Левая рука, принявшая на себя работу правой, казалась неуклюжей и нескоординированной, хотя дед всегда требовал от Эвгенидеса тренировать обе руки. Эвгенидесу казалось, что с воровскими инструментами обе руки управляются одинаково хорошо, пуговицы тоже не доставляли сложностей, однако застегнуть пряжку на ремне оказалось непросто, и дед никогда не учил его откидывать волосы с лица и заправлять их за правое ухо левой рукой. Так обнаружилась дедова недоработка. Эвгенидес долго смотрел в огонь, потом провел пальцами по отросшим волосам – они уже падали на глаза – и окинул взглядом комнату. Слева от камина стоял книжный шкаф, справа – письменный стол. В задней части стола скопилась неровная стопка бумаг. Видимо, под этими бумагами лежит свиток, который он переписывал перед тем, как отправиться в Аттолию. Если он еще там, сложно будет найти его под мисками, повязками, флаконами бесчисленных снадобий, оставленных Галеном и его помощниками. Стул, стоявший возле стола, исчез. Его перенесли в библиотеку, а взамен поставили между изножьем кровати и камином удобное кресло.

Эвгенидес встал, потянулся к бумагам на столе, но медицинский хлам занимал все свободное пространство, и для нормальной сортировки не осталось места. Кто-то опрокинул чернильницу на текст, который он переписывал, и вся левая сторона длинного абзаца скрылась под большой кляксой. Эвгенидес вздохнул. Вероятно, ему удастся вспомнить почти все слова, но все равно их придется тщательно сравнивать с другой достоверной копией. Он скатал свиток, бросил его в грудку бумаг, опять вздохнул. Сохранилось слишком мало достоверных копий первоначальных мыслей Фалеса об основных элементах Вселенной. Вот почему этот свиток был таким ценным, и вот почему его надо переписать. Если документ еще какое-то время поваляется в глубине письменного стола, от него ничего не останется. Надо убрать его в футляр и положить на полку в библиотеке.

Он нехотя побрел искать футляр и нашел почти все свои книги, свитки, другие материалы сваленными в кучу на одном из библиотечных столов. Пошарил в этой грудке, выудил футляр с именем Фалеса и названием труда. Убрал туда свиток, поставил на свое место на библиотечную полку. Потом вернулся в кресло у камина. Задремал. Пришел Гален, принес небольшую амфору летиума, осторожно наполнил флакон на столе Эвгенидеса.

– В библиотеке всё вверх дном, – сказал Эвгенидес.

- Я заметил, – отозвался Гален. – На прошлой неделе ходил искать алдменедийские схемы человеческого тела и не смог найти.
- Почему никто не наведет порядок?
- Это твоя библиотека.
- Не моя. Это королевская библиотека. Я тут просто живу.
- Чья бы она ни была, разбираться в ней придется тебе самому. Больше ни у кого нет желания. – Он шагнул к двери.
- Гален, – остановил его Эвгенидес.
- Что?
- Забери свое барахло с моего стола. Он мне нужен.
- Гален фыркнул:
- Попробую найти того, кто не очень занят.

* * *

Несмотря на лишние всякого сочувствия слова, после полудня один из помощников Галена забрал лекарства, миски, неиспользованные бинты. Эвгенидес посмотрел на остатки, но не сделал попытки их разобрать. До самого вечера он сидел и смотрел в огонь. Стол остался нетронутым.

Утром он собрал рассыпанные наконечники перьев. Сложил их один за другим в коробочку, прислушиваясь, как они падают с тихим звяканьем. Когда коробочка наполнилась, перемешал их одним пальцем, закрыл крышкой и снова сел у огня.

Каждое утро, когда солнце пробивалось через оконные занавески, окрашивая их края, он нехотя поднимался с кровати, шел к столу, что-нибудь разбирал на нем и снова садился в кресло. Он не привык просыпаться по утрам. Обычно он бодрствовал до поздней ночи, когда весь дворец уже засыпал. А сейчас сидел у камина, пока время не переваливало за полдень, потом снова ложился до вечера. Каждые несколько часов к нему заходил Гален. По очереди наносили еженедельные визиты Эддис и отец. И больше никто, если не считать слуг, приносивших еду. Он сидел в тишине своего кабинета, и никто его не беспокоил.

* * *

Когда на столе не осталось почти ничего, кроме флакона с летиумом – каждый вечер он принимал несколько капель, чтобы лучше спать, – он переселился в библиотеку. В конце концов порядок был наведен и там, и пришлось придумывать себе новый повод вставать по утрам с кровати. Наконец он взял бумагу, перо и решил посмотреть, получится ли писать левой рукой.

Открывать чернильницу пришлось зубами. Бумага скользила по столу, ее надо было придерживать. Попробовал обрубком руки. Повязки мешали, приходилось нажимать сильнее. Это было больно. Если положить локоть, то запястье закрывало не только почти весь лист, но и его верхнюю часть, то есть он смазывал все, что написал. Вздыхнув, он снова встал, пошел в библиотеку, к широкому плоскому сундуку, в котором хранились карты. Там в верхнем ящичке лежали пресс-папье – грузики, прижимавшие уголки карт. Но ящичек был почти пуст, остались только два разрозненных грузика. Пошарив, он нашел в глубине третий. Положил их в карман халата и отнес к столу. Теперь бумага удерживалась на месте. Он обмакнул перо в чернила и стал учиться писать.

* * *

Он понемногу упражнялся в письме каждый день. Однажды днем, когда он был занят этим, кто-то вошел в библиотеку и постучал по косяку открытой двери. Эвгенидес поднял глаза. Перед ним стоял отцовский секретарь, а с ним еще какой-то человек.

– Войдите, – разрешил Эвгенидес.

– Я привел портного, – сказал секретарь. – Ваш отец считает, что вам надо бы перешить парадный костюм или сшить новый, чтобы спускаться к обеду.

– А я должен спускаться к обеду? – удивился Эвгенидес. Ему это и в голову не приходило. Надо бы придумать какой-нибудь постоянный предлог, чтобы навсегда избавиться от торжественных обедов с королевой и ее двором.

Секретарь смотрел на него, не говоря ни слова. Портной терпеливо ждал.

– Да, рано или поздно, наверное, придется, – признал Эвгенидес и ополоснул перо. – А разве старый не годится?

Портной помог ему одеться, застегнул пуговицы нижней рубахи. Эвгенидес сжал в кулаке немалый избыток ткани. А ведь раньше рубаха сидела как влитая.

– Я похудел, – удивился он.

– Потому что ничего не ешь, – буркнул портной, не вынимая булавок изо рта, потом поднял глаза и поймал предостерегающий взгляд секретаря. Снова принялся усердно втыкать булавки в ткань, хотя в голове крутились недавно услышанные сплетни. Увидев королевского вора своими глазами, он подумал, что молва не врет: вор действительно, даже не притронувшись, отсылает еду на дворцовую кухню, сидит в своей комнате, ни с кем не видится, и вообще дни его сочтены, и весь город оплакивает его и винит эту злобную дрянь Аттолию. Портной пожал плечами и углубился в работу. – Рубашку придется перекроить, – сказал он. – На это уйдет несколько дней.

– Торопиться некуда, – сказал Эвгенидес.

* * *

В ясном небе над королевским дворцом Аттолии сиял чуть припухший полумесяц. Летом, когда во дворце распахивали окна, королева любила лежать в темноте своей спальни и слушать, как стучат по улице колеса тяжелых телег, в которых крестьяне везли свой товар на утренний рынок. Но сейчас стояла зима и окна были закрыты. Она проснулась, огляделась: в комнате было очень тихо. Сердито вздохнув, королева скинула одеяло и встала. В дверях появилась служанка, принесла халат и изящно набросила его на протянутые руки госпожи.

– Вашему величеству что-нибудь нужно? – осведомилась она.

– Одиночество, – вздохнула королева Аттолии. – Оставь меня.

Служанка послушно покинула свой пост и осталась стоять в коридоре за дверями королевских покоев. Королева подошла к окну, раздвинула тяжелые шторы и посмотрела на луну. Еще одна бессонная ночь, не первая и не последняя.

* * *

Эвгенидес остановился в дверях малого тронного зала. Те, кто сидел ближе, прервали разговор и в недоумении уставились на странного незнакомца, потом узнали его и вздрогнули от ужаса. Он выглядел старше и после долгого отсутствия стал неузнаваем. Велел цирюльнику коротко подстричь волосы, а правую руку прятал в перевязи. Молчание вязкой волной расте-

калось по тронному залу, все глаза устремились на него, и он стоял у подножия лестницы, пригвожденный к месту этими взглядами.

– Эвгенидес, – позвала королева.

Он отыскал ее глазами. Она протянула руку, Эвгенидес спустился с лестницы, пересек тронный зал и поклонился.

– Моя королева, – молвил он.

– Мой вор, – откликнулась она.

Он поднял голову. Она стиснула его руку, и он не стал спорить.

– Пора ужинать, – сказала королева, и придворные направились в церемониальный зал, где по повелению королевы накрыли ужин – чуть раньше, чем планировала кухня. Повар, ругаясь про себя, с честью справился с ситуацией.

Эвгенидес сел между баронессой и герцогиней, младшей сестрой королевы. Самыми громкими звуками в зале были шаги слуг, разносящих еду. Каждый из гостей переводил взгляд сначала на Эвгенидеса, потом на королеву, потом в собственную тарелку. Некоторые покашливали или прочищали горло. Кто-то на дальнем конце стола заговорил об урожае, который выдался хорошим, и герцогиня по правую руку подхватила нить беседы. Она завела разговор о погоде, которая выдалась холодной, что неудивительно, поскольку стояла зима. Наконец принесли блюда. Эвгенидес съел овощи, а мясо оставил, потому что не мог нарезать. Съел маленький кусочек хлеба, не намазывая сыром, потому что и этого не мог сделать.

За обедом подавали вино. Когда он выпил первый кубок, его вновь наполнили. Кубок был керамический, с высокой тонкой ножкой и широким верхом. Отпив немного, Эвгенидес залюбовался рисунком по внутреннему ободку. Кентавры гнались друг за другом, натягивая тетиву. Двумя руками, подумал он и выпил до дна.

Обед закончился, королева встала, и Эвгенидес встал вместе с остальными придворными. Чтобы не покачиваться, он незаметно уперся тремя пальцами в стол, да так, что побелели костяшки. Стоял так, пока соседи по столу откланивались и расходились. Подошел отец, взял Эвгенидеса под здоровую руку, и тот с благодарностью повис на нем.

– Разве сегодня не разбавляли вино? – спросил вор.

– Как обычно, две части воды. – Только так пили вино в цивилизованном мире.

Когда зал опустел, отец оторвал Эвгенидеса от стола и проводил наверх.

– Сегодня мне не понадобится никакой летиум, – сказал в дверях Эвгенидес. – Вино прекрасно заменяет его. – Отец напрягся. – Шучу, шучу. – Хотя сам был в этом не уверен.

* * *

Второй обед прошел примерно так же. Эвгенидесу подавали еду уже нарезанной на кусочки, и вместо сыра перед каждым поставили чашечку оливкового масла, чтобы макать туда хлеб. Если не считать того, что ему приходилось тянуться через тарелку, чтобы обмакнуть хлеб, все шло хорошо. Разговоры были примерно такими же – об урожае и о погоде. За дальней частью стола беседа шла вполголоса, трудно было уловить хоть слово. Эвгенидес пил меньше и глядел в тарелку, не желая замечать, что королева старательно избегает смотреть на него.

На третий вечер он не спустился. Его место за столом осталось пустым. Когда обед закончился, отец поднялся проведать его. Эвгенидес в парадном платье сидел на кровати, прислонившись к изголовью, вытянув ноги в сапогах поверх простыней. На коленях лежала пустая перевязь. Он поднял на отца унылый взгляд.

– Я больше не могу это выносить, – сказал он и опустил глаза. – Я уже знаю, что урожай хорош, что погода холодная. Попробую еще раз весной.

– Завтра, – сказал отец и вышел.

Эвгенидес стал клониться набок, пока не уткнулся лицом в подушки.

* * *

Он уснул, и ему приснилась королева Аттолии. Она в зеленом платье с белыми вышитыми цветами танцевала в саду. Пошел снег, собаки гнались за ним сквозь тьму, и сабля, сверкнув красным в отблесках пламени, взметнулась и упала. Королева прекратила танцевать и стала смотреть. Он проснулся, захлебываясь от крика, и обнаружил, что, одетый, так и лежит поверх простыней.

Он проковылял в библиотеку и сел перед потухшим камином. В комнате было холодно. Случись это месяц назад, в библиотеке ночевал бы кто-нибудь из помощников Галена, он сразу дал бы летиума, и Эвгенидес провалился бы в сон, не дожидаясь, пока под закрытыми веками зародятся мучительные кошмары.

Несколько часов он сидел в холодной библиотеке, ни разу не повернув потухшие угли. И только под утро перешел в теплую комнату, растянулся на кровати, не раздеваясь, и опять уснул.

* * *

– А что вор?

– Вор, ваше величество?

Аттолия побарабанила пальцами по подлокотнику. Она сидела в малом приемном зале и беседовала с человеком, который собирал для нее сведения из разных источников. Официально он занимал должность архивариуса.

– Вор, Релиус. Он поправляется?

– В настоящее время наш посол в Эддесе может оповещать нас лишь ограниченно, но, по его словам, Эвгенидес постепенно выздоравливает. Примерно раз в неделю он посещает торжественные обеды. Проявляет очень мало интереса к политическому положению. В те вечера, когда он выходит к столу, эти вопросы не затрагиваются. Больше ни для чего он не покидает свою комнату.

– Он видится с королевой?

– Нечасто. Она, разумеется, очень занята.

– А еще с кем-нибудь видится?

– Как я понимаю, время от времени его навещает отец, но больше он никого не приглашает. Говорят, его мучают кошмары, – добавил он.

– Еще бы, – деликатно хмыкнула королева.

Релиус внимательно посмотрел через ее плечо. Аттолия обернулась. За спиной стоял посол Медии, вошедший без объявления.

– Нахусереш. – Она обернулась в кресле и протянула ему обе руки. Посол взял их и склонился. Он очень привлекателен, подумалось ей, – точнее, был бы, если б не борода, которую он красил в багровый цвет, обильно умащивал и разделял посередине на два аккуратных острия. Если бы он остался в Аттолии, то, возможно, рано или поздно перестал бы укладывать бороду в медийском стиле, но он находился при ее дворе уже довольно давно и не выказал ни малейшего желания приспособиться. – Я не заметила, когда вы присоединились к нам.

– Приблизившись к вам незаметно, я совершил величайший проступок, – сказал медиец. – Умоляю ваше величество снисходительнейше простить меня. – Он опять склонился и поцеловал ей руки.

– Ну конечно, – улыбнулась королева. – Но отпустите мои пальцы. Неудобно так сидеть. Медиец рассмеялся и выпустил ее руки.

– Кажется, вы, ваше величество, очень интересуетесь благополучием того эддисийца, – сказал посол. – Уверен, он не представляет никакой угрозы. На что он способен без одной руки?

– Однажды, много лет назад, я встретила с его дедом. Он говорил, что у вора, как и у королевы, величайшее достояние – ум.

– Он высказывался слишком фамильярно, – с неодобрением заметил Нахусереш.

– Пожалуй, да. Но тогда я еще не была королевой. И даже как принцесса не представляла собой важности.

– Вы могли бы казнить этого вора.

– Могла бы, – согласилась Аттолия. – Но то, что сделала я, столь же действенно и принесло больше... удовлетворения. – Королева лгала. Она уже жалела, что не покончила с Эвгенидесом раз и навсегда. Она обернулась к секретарю. – Королева все еще называет его своим вором?

– Да, она произнесла это несколько раз перед всем своим двором, – ответил Релиус.

– Прошу прощения, ваше величество, – заговорил медиец. – Ваши обычаи загадочны, и со многими из них я пока плохо знаком. Правильно ли я понимаю, что он получил звание королевского вора за то, что выкрал некую фамильную реликвию и вручил ей?

– Да.

– Вашу реликвию? – уточнил медиец.

– Из храма в моей стране.

– Которая затем была брошена в лаву на вершине Священной горы?

– О небо, Нахусереш, вы прекрасно осведомлены. Чего же вы не понимаете? – рассмеялась королева.

– Кем она сможет заменить его? – спросил Нахусереш.

– Этот титул много лет передавался из поколения в поколение, – задумчиво ответила Аттолия. – Возможно, он перейдет к ребенку одной из его сестер. – Она обернулась к секретарю. – Как его называют при дворе?

– Эвгенидес, – ответил тот.

Королева кивнула:

– Ну конечно.

– Не понимаю, – жалобно произнес Нахусереш.

– Воры часто берут имя своего бога-покровителя, поэтому это не только титул, но и имя.

– Ясно, – сказал медиец.

– Релиус, на сегодня хватит. – Она легким взмахом отпустила архивариуса. Когда он дошел до двери, окликнула: – Еще одно.

– Да, ваше величество. – Он уже знал, какая будет просьба.

– Вы позаботитесь об этом?

– Немедленно, ваше величество.

Командир королевских шпионов осторожно поклонился, выскользнул за дверь и со всей своей немалой энергией принялся выяснять, как медийскому послу удалось прервать королеву и почему о его приходе никто не оповестил.

* * *

Вскоре после этого Нахусереш откланялся и вернулся в покои, отведенные ему и всему его посольству. Там его ждал личный секретарь.

– Гонец из Трех городов принес вам письмо от императора, – предупредил секретарь. – Оно лежит среди бумаг.

Нахусереш отыскал его. Хитроумно свернуто и запечатано, но печать сломана. Нахусереш внимательно осмотрел сгибы, чтобы вскрыть письмо, не порвав. Каждая складка была свежей и аккуратной. Бумагу не разворачивали и не складывали заново. Он взглянул на секретаря, и тот улыбнулся.

– Такая схема мне незнакома, – признал секретарь. – Поэтому я не стал трогать.

– Когда-нибудь я тебя научу, Камет, – пообещал Нахусереш, проглядывая письмо. – Император перечисляет все золото, какое мы передали королеве варваров, и спрашивает, удалось ли нам заключить договор и получить возмещение наших расходов.

– Не рановато ли он требует успеха? – поинтересовался секретарь.

– Он не столько требует, сколько поторапливает нас, – поправил Нахусереш, не отрывая глаз от бумаги.

– Его империя выстроена не на спешке, – заметил Камет.

– На него не похоже, – согласился Нахусереш. – Но, без сомнения, у него есть на то свои причины. – Он свернул письмо и положил на свой стол. – Попробуй сам разобраться, как оно сложено. Если нужна помощь, дай мне знать. Вечером мы отправим императору ответное письмо и сообщим, что, пока королева занята эддисским вором, мы работаем. Ты уже поговорил со слугами барона Эрондитеса?

– Поговорил. Не стал втираться в доверие. Они были немного сдержанны, не понимали, какое место я занимаю в их иерархии.

– Понятно.

– У них тут не очень много рабов, – заметил Камет.

Нахусереш покачал головой:

– Да. Население сравнительно небольшое и не очень богатое.

– Я мог бы убежать и стать свободным человеком, – пошутил Камет.

– Я тебя найду, – с улыбкой пообещал Нахусереш. Миндалевидные глаза и красновато-смуглое лицо выделяли раба среди жителей Аттолии. – Что ты думаешь о бароне Эрондитесе?

– Он нам подошел бы. Очень холеный. Много о себе воображает. А что вы думаете о королеве Аттолии?

– Довольно красива, – ответил Нахусереш.

– И? – поторопил Камет.

– И в ней есть самая важная из женских добродетелей, особенно ценная в королеве. Ею легко управлять, – улыбнулся Нахусереш.

– Она уже довольно давно восседает на троне, – осторожно добавил секретарь.

– Она взошла на престол с помощью блестящей тактики, которую, без сомнения, разработал для нее хороший советчик, возможно, барон Оронус или отец Эрондитеса. Кто бы это ни был, обоих уже давно нет в живых. Она была очень проникательна, а может, ей просто везло на советчиков. И если она хочет найти выход из нынешних трудностей, ей потребуется еще один.

– Тот, у кого больше всего золота? – подсказал Камет.

– Будем надеяться.

* * *

Аттолия переделалась ко сну, ей тщательно расчесали и заплели волосы. Она отослала служанок и медленно прошла по своим покоям. Провела рукой по одеялу с маняще отогнутым уголком, но не легла. Запахнула халат, села в кресло у окна, глядя в ночное небо. Немного расслабившись, побарабанила пальцами по подлокотнику.

– Надо было его повесить, – сказала вслух.

Больше не произнесла ничего, и в комнате воцарилась тишина. Луна медленно проплыла над крышами дворца и бросила свой луч через окно. Он упал на ковер возле ее ног. Измученная, королева наконец легла. Спала крепко, без сновидений.

Глава Шестая

Зима шла своим чередом. По утрам он заставлял себя встать с постели – хотя бы для того, чтобы сидеть в кресле и смотреть в огонь. Иногда упражнялся в чистописании. По ночам, когда дворец затихал, он просыпался и часами лежал, разглядывая тени, пляшущие на потолке. Середина ночи – время воров. Привычки – штука упрямая, и ему не спалось. Он считал себя счастливым, если не просыпался с криком, и, когда снились кошмары, был рад, что рядом с библиотекой нет других помещений, где его могли бы услышать.

В конце зимы он все еще учился писать и изучал книги и свитки в библиотеке. Однажды, когда он углубился в книгу по систематике растений и животных, в дверь постучали. Он оглянулся и увидел незнакомого гостя. Рядом с ним стоял квадратный кожаный чемоданчик.

– Чем могу служить? – озадаченно спросил Эвгенидес.

– Меня послали кое-что вам показать, – с неловкостью ответил гость.

Эвгенидес с легкостью вычислил, кто мог его послать.

– Что показать?

Гость придвинул чемодан и открыл крышку. Внутри, аккуратно пристегнутые кожаными петельками, лежали разнообразные протезы. Искусственные ладони и крюки. Ладони были вырезаны из дерева – одни сжатые в кулаки, другие полуоткрытые. Крюки прикреплялись к латунным или серебряным чашкам, чеканным или гладким.

– Убирайтесь, – процедил Эвгенидес.

– Но, молодой господин... – возразил гость.

– Убирайтесь!

– Только после того, как вы посмотрите, – упорствовал мастер.

Эвгенидес встал с кресла, бросил короткий взгляд в чемодан и отпрянул. Промчался через всю библиотеку, захлопнул за собой дверь.

* * *

Эвгенидес прошагал по коридору мимо испуганных слуг, взбежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, и вдруг понял, что идти на крышу совсем не хочется. Погожими днями в конце зимы там бывает много народу. Дамы, уставшие прятаться от холода, выходят полюбоваться видами. Он задумался: где же укрыться? Обычным его убежищем была библиотека, но оттуда его выгнали. Через мгновение он развернулся, бегом спустился по лестнице, промчался по коридору, не заговаривая со встречными, радуясь, что одет прилично, а не в халат, как частенько бывало по утрам, потом вспомнил, что оделся только потому, что его уговорил отцовский лакей, без сомнения, знавший о визите. От этой мысли он рассвирепел; счастье, что лакей тот был далеко.

Он вышел из дворца в крохотный дворик, и дверь в каменной стене вывела его оттуда на травянистую поляну.

Дорожка, мощенная белым камнем, взбегала от ворот и выводила на более широкую Священную дорогу. А та, петляя, поднималась по склону холма к храму Гефестии, высившемуся над дворцом.

В тени еще кое-где лежал снег, тонкую рубашку продувало насквозь. Холм был крутой, и Эвгенидес быстро запыхался, но упрямо карабкался вверх, пока не вышел на пустую храмовую террасу. Оглянулся, посмотрел оттуда на дворец – по Священной дороге вдогонку за ним никто не шел. Парадные двери футов двадцати высотой вели в холодный пронаос храма. Он вошел. Двери поменьше, ведущие в наос, тоже были открыты.

Входя из пронаоса в наос, он по привычке замедлил шаг. Алтарь был пуст: ни молельщиков, ни недавних подношений. В светильниках горел оставленный жрецами ладан. Огромная позолоченная статуя Гефестии смотрела только на Эвгенидеса и больше ни на кого. Он подошел к нише перед главным алтарем. Там стоял алтарь поменьше, посвященный Эвгенидесу, богу воров. Занавес помогал молящимся скрываться от посторонних глаз. Эвгенидес задернул его, сел на мраморную скамью, тянущуюся вдоль стен ниши. Закинул ноги на скамью, чтобы не заметили под занавесом случайные посетители, обхватил колени руками.

Выбегая из комнаты, он забыл перевязь. Интересно, пригляделся ли кто-нибудь из встречных. Он откинул голову к мраморной стене и закрыл глаза. Даже не посмотрел на алтарь, украшенный бесчисленными дарами – добычей его предков и его собственной. Он пришел сюда не молиться. А прятаться.

* * *

Вечером, когда засияли звезды, Эвгенидес осторожно вышел из храма на дорогу. Дрожа всем телом, проскользнул во внутренний двор и, кивнув гвардейцу, вошел во дворец. В коридорах было пусто, и он вернулся к себе, никого не встретив.

Дверь в библиотеку была открыта, по темному коридору плясали отсветы пламени в камине. Он остановился у дверей, заглянул. В креслах сидели, молча дожидаясь его, отец и королева.

– Что вам тут нужно? – спросил он.

Оба встали. Эвгенидес посмотрел на отца и объяснил:

– Я был в храме.

– Мы так и знали, – ответила королева. – Не могли же мы силком вытащить тебя оттуда, иначе на нас обрушились бы громы и молнии. Тебя целый день никто не тревожил, и ты поси-
нел от холода. Сядь к огню.

Эвгенидес не стал садиться к огню. Он лег прямо перед камином, туда, куда долетали случайные искры, и положил руки под голову, дрожа от холода.

– Трусость вознаграждается, – заметил отец, глядя на него.

– Еще как, – буркнул Эвгенидес. – Больше, чем ты думаешь. Приходила Мойра. Передала мне весточку от богов.

Королева и отец молчали. Эвгенидес перекатился и стал греть другой бок. Лежал, глядя в потолок. Год назад был уничтожен Дар Гамиатеса, и вера в его божественную власть, казавшаяся непоколебимой, стала постепенно угасать. Для большинства людей, даже для его собственного отца, боги из суровой реальности превратились в смутную неопределенность. Он надеялся на Эддис – может быть, она, державшая в руках священный Дар, еще верит в бессмертных богов. Она слушала его внимательно, а отец лишь проявлял вежливый интерес.

– Перестань хныкать, – сказал Эвгенидес.

– Что? – озадаченно спросила Эддис.

– Это сказали мне боги. Мне, единственному из смертных, боги послали вестника и велели перестать хныкать. Впредь мне урок: не надо прятаться в храмах.

– Эвгенидес... – начала Эддис.

– А я-то думал, что неплохо справляюсь, – с горечью произнес он.

– Ты всю зиму сидел взаперти и упражнялся в чистописании, – напомнила Эддис.

– Да, – подтвердил Эвгенидес.

– И что ты планировал делать, когда почерк станет идеальным? – спросил отец.

Эвгенидес сел, прислонился к нагретым камням камина, вытянув ноги перед огнем.

– Хотел поехать в какой-нибудь университет Полуострова, – ответил он наконец. – Думал, если выучусь там, то смогу через несколько лет вернуться и... принести хоть какую-то пользу.

Он подтянул колени к груди.

– Простите. – Он пожал плечами. – Мне казалось, это хороший план.

Эддис беспомощно переводила взгляд с него на отца. Военный министр взял сына под руку и поставил на ноги.

– Пора спать, – сказал он. – Послания богов обсудим завтра, когда выспимся. Иногда, – он поглядел на королеву, – все происходит не так, как мы думаем.

Королева вышла, и министр почти без слов стал укладывать сына. Резким рывком стянул с него тунику, рубашку, подтолкнул к кровати. Велел:

– Сядь.

Эвгенидес сел, отец раздел его и натянул через голову ночную сорочку. Потом уложил и накрыл одеялом.

– Помоешься утром.

Эвгенидес опустил голову на подушку, глядя в потолок.

– Есть хочешь? – спросил отец.

– Перекусил церемониальным хлебом в храме.

Отец изумленно покачал головой:

– И на тебя не обрушились громы и молнии?

– Ни единой, – ответил Эвгенидес.

– Счастливчик. – Отец подошел к двери и остановился. – Эта твоя затея с учебой на Полуострове...

– Что с ней не так?

– Она была разумной.

«Почему “была”?» – задумался Эвгенидес и уснул.

Глава Седьмая

Утром Эвгенидес спал допоздна. Когда проснулся, комната была полна света, а в кресле у изножья кровати сидел волшебник из Сауниса.

– Что вы тут делаете? – спросил Эвгенидес безо всякого удовольствия.

– Решил, что мне не скоро выпадет случай снова нанести визит, вот и приехал. Ты же знаешь, мне нравится Эддис.

– Страна или королева?

– Страну предпочитаю свою, – признал волшебник.

– А королеву – мою, – заключил Эвгенидес. – Впрочем, вам она не достанется.

Волшебник улыбнулся. Он всеми силами пытался завлечь сопротивляющуюся королеву в политический брак со своим королем, но потерпел неудачу, во многом – из-за Эвгенидеса. Несмотря на разницу в возрасте и в целях, они питали друг к другу глубокое уважение.

Волшебник имел доступ к отчетам королевского посла в Эддесе и за осень и зиму тщательно прочитал их все от корки до корки. Его личные взгляды не совпадали с политическими. Король был в восторге от исхода событий в Аттолии. Волшебник горевал, но продолжал работать над планами, которые считал полезными для своей страны. Однако он был осторожен и решил сначала прийти повидаться с Эвгенидесом лично, а уж потом подталкивать своего короля к открытому конфликту с Эддисом.

– Что же вас держит в Саунисе? Почему вы не можете поскорей вернуться и вволю полюбоваться на мою королеву? – спросил Эвгенидес.

Волшебник был готов столкнуться с апатией, но не ожидал подобной неосведомленности.

– Летом Саунис объявит войну Эддису, – ответил он.

Эвгенидес выпучил глаза.

– Может, ты к тому же не знаешь, что твоя страна с осени воюет с Аттолией?

– Не может быть, – решительно ответил Эвгенидес. – С какой стати нам воевать с Аттолией?

Волшебник указал пальцем на правую руку Эвгенидеса.

– Глупости! – Эвгенидес вскочил с кровати, достал из шкафа халат и набросил на плечи. – Если вы вздумали так шутить, я вас убью, – прорычал он.

– Тебя вернули в Эддис, подразумевая, что воды Арактуса снова потекут. Ты это знал? – спокойно спросил волшебник.

Эвгенидес вздохнул, отодвинул стул от письменного стола и сел напротив волшебника.

– Да, – ответил он и стал ждать продолжения.

– Твоя королева согласилась открыть ворота шлюза выше по течению Арактуса. В то же время она приказала конфисковать первые же десять караванов, идущих через ущелье. Аттолия заявила протест. Эддис назвала это репарацией. Аттолия сочла это объявлением войны и потребовала вернуть груз караванов. Эддис предложила судебное разбирательство в Совете

десяти стран, но Аттолия отказалась. Послала ультиматум: либо Эддис возвращает караваны, либо начинается война.

Эвгенидес терпеливо слушал.

Волшебник откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

– Твоя королева ответила всего двумя словами: «Значит, война». Приказала запереть аттолийского посла и его свиту в их покоях и открыть главные затворы Гамиатесского водохранилища. Поток воды Арактуса обрушился на неподготовленную оросительную систему Аттолии и уничтожил ее почти полностью. Эддис послала диверсионный отряд. Он пошел от подножия горы по полям на дальнем берегу Сеперкии и предал огню двадцать пять процентов выращенного в Аттолии урожая. Все, кто был в отряде, погибли. – Волшебник внимательно посмотрел на Эвгенидеса. – Это для тебя новость?

– Продолжайте.

Волшебник продолжил:

– К тому времени, как Саунис узнал об атаке, и прежде чем Аттолия успела выйти на рынок и поднять цены, Эддис скупил почти все излишки зерна в окрестностях. Сверившись с записями, я обнаружил, что она сделала это даже раньше, чем Аттолия объявила ультиматум. Ты и правда всего этого не знал? – Волшебник не мог в это поверить.

Эвгенидес снова вскочил, стал расхаживать, качая головой. Волшебнику он напомнил медведя на цепи, хоть и очень мелкого.

– Совет министров Эддиса единодушно проголосовал за войну, – сообщил волшебник. – Воздержался только военный министр.

– Почему? – взвыл Эвгенидес, имея в виду поступок Совета, а не отца.

– Наверное, потому, что они к тебе хорошо относятся, – предположил волшебник.

– Что-то раньше за ними такого не водилось, – с горечью проговорил Эвгенидес.

Волшебник сказал:

– Если бы ты дал себе труд присмотреться, то заметил бы, что за год ты превратился в величайшего народного героя.

Эвгенидес упал на стул и закрыл лицо рукой. Волшебник обратил внимание, что сначала он поднял обе руки, но потом опустил покалеченную на колени.

– Не желаю этого знать, – простонал он.

– А еще я слышал, – продолжал волшебник, – что этой зимой ты почти не выходил из своей комнаты. Лежал с головой под одеялом? – Он встал, подошел к письменному столу Эвгенидеса, перебрал бумаги.

Эвгенидес вздохнул, откинул голову, не открывая глаз.

– Шли бы вы отсюда, – сказал он.

– Изучаешь биологическую классификацию? – Волшебник взял в руки одну из книг. – И, как вижу, человеческую анатомию, и «Геометрию» Эвклида. Или просто переписываешь текст? – Он посмотрел на листки, исписанные старательным почерком Эвгенидеса. На полу возле стола валялась целая грудка. Он поднял их, перелистал. – Прошу меня простить, но, когда твоя страна ведет войну, это все не имеет никакого значения.

Эвгенидес вырвал листки из рук волшебника.

– Еще как имеет! Потому что я больше не могу сделать для своей страны ничего! Совсем ничего! – заорал он и швырнул бумаги на стол. – Потому что у меня только одна рука, да и та не правая! – Он схватил со стола чернильницу, швырнул ее о дверцу шкафа. Она разбилась вдребезги, забрызгав черными кляксами светлые доски и стену. Черные капли дождем брызнули на простыни.

В тишине после этой вспышки оба услышали, как вошла королева.

– Волшебник, – сказала она из дверей. – Я слышала, вы приехали.

Эвгенидес резко обернулся к ней:

– Ты начала войну от моего имени, ничего мне не сказав?
– Прошу меня извинить, – обратилась королева к волшебнику, словно не слышала. – Я проспала. Иначе приветствовала бы вас раньше.
– Мы ведем войну с Аттолией? – требовал ответа Эвгенидес.
– Да, – сказала королева.
– И с Саунисом? – спросил Эвгенидес.
– Почти, – ответила королева.
– И ты каждую неделю приходишь ко мне поболтать о погоде и ни разу не заикнулась о войне?

Эддис вздохнула:

– Сядь наконец и перестань вопить.
– Вопить перестану. Но не сяду. Вдруг придется опять бросаться чернильницами. Это Гален не разрешал тебе говорить о войне?

– Сначала – да, – призналась королева. – А потом ты, Эвгенидес, и сам не хотел ничего знать. Ты не слепой, ты не мог не замечать всего, что вокруг происходит, но ни разу не спросил.

Эвгенидес припомнил все, что видел и слышал, не проявив ни капли любопытства. Во двор то и дело въезжали верховые армейские гонцы, из-за обеденного стола одно за другим исчезали знакомые лица. Из библиотеки пропали все карты вместе с грузиками. Королева была так занята, что могла навещать его не чаще раза в неделю, а он ни разу не спросил почему.

– Кто... – Он запнулся на слове и начал еще раз: – Кто был в диверсионном отряде?

– Степисис. – Эвгенидес вздрогнул, и королева продолжила: – Хлорус, Сосиас. – Все они были родней ему и королеве. – Командовал Креон со своими солдатами.

– Гм... – Он с трудом подбирал слова. – Теперь понятно, почему за обедом не велись беседы. Что еще я пропустил, потому что не хотел слушать?

– Не так уж много. На зиму военные действия между нами и Аттолией были приостановлены. Как ты помнишь, зима наступила рано. Тебе об этом все уши прожужжали. Волшебник, – вежливо попросила королева, – прошу нас извинить.

Волшебник кивнул и вышел, не сказав ни слова. Королева села в освобожденное им кресло. Потерла лицо и сказала:

– Есть хочется. Со вчерашнего обеда маковой росинки во рту не было. Сегодня Ксанта простояла все утро посреди комнаты с завтраком на подносе, а я не взяла ни крошки. Потому что тревожилась за тебя, – упрекнула она. – Сидишь там в нетопленном храме и дуешься.

– Мне казалось, я хнычу, – уточнил он.

– Дуешься, хнычешь, жалобно скулишь.

– Ничего подобного, – сердито упрявился Эвгенидес.

– Да, – признала она. – Не скулишь. Но ты ушел в себя и всю зиму тонул в пучине отчаяния, и никто тебя не упрекает. Нам оставалось только ждать и надеяться, что ты восстановишься. Потом ты заявил, что хочешь уехать из Эддиса и поступить в университет на Полуострове. Эвгенидес, ты нужен мне здесь.

– Какая тебе польза от однорукого бывшего королевского вора?

– Ты не бывший королевский вор, ты мой вор. Пока я еще королева.

– Ты понимаешь, о чем я.

– Этот титул дается на всю жизнь. Ты бы остался королевским вором, даже если бы был прикован к постели, сам знаешь.

– Ну хорошо. Для чего тебе нужен никчемный однорукий вор?

– Я не хочу, чтобы ты был никчемным.

– Без двух рук я не могу ничего украсть, – с горечью произнес Эвгенидес. – Потому она меня и искалечила.

Он называл королеву Аттолии не иначе как «она». Имя Аттолии редко слетало с его губ, словно Эвгенидесу был неприятен его вкус.

– Существует многое, чего не может украсть даже человек с двумя руками, – сказала Эддис.

– И что?

– Если их невозможно украсть двумя руками, то уж одной – тем более. Укради мне мир, Эвгенидес. Укради немного времени.

Она откинулась на спинку кресла.

– Саунис поставил Аттолию на грань хаотичной гражданской войны. Ей блестяще удается удерживать трон очень долгое время, этого никто не может отрицать. Народ поддерживает ее, а бароны ненавидят, на первый взгляд – потому, что она занимает престол по полному праву и не хочет брать никого из них в короли. Но на самом деле им не нравится, каких успехов она достигла в централизации власти. Она не дает баронам превращать их владения в личные королевства. Но ее возможности исчерпаны. Она пригласила Медию заключить договор. Сам знаешь, именно поэтому я и послала тебя в Аттолию. Если она примет помощь от медийцев, если они высадятся на наших берегах, то съедят нас заживо – и Аттолию, и Саунис, и Эддис. Я послала тебя, чтобы выяснить, насколько близки стали ее связи с Медией, потому что Саунис не прекратит попыток сместить Аттолию с престола.

– Объяви войну Саунису.

– Не могу. Саунис слишком силен. Эддис и Аттолия совместными усилиями могли бы его победить, но Аттолия не желает иметь ничего общего с Эддисом. Она ненавидит меня и всеми силами старается сохранить власть над собственной страной. Помнишь, она приезжала ко мне на коронацию, – пояснила Эддис. – Отвела меня в сторонку и долго давала советы, как удержаться на троне: поднять налоги, чтобы были деньги на подавление любых мятежей, увеличить численность армии, почаще устраивать чистки среди советников. Никому не доверять, немедленно подавлять любые угрозы, даже самые незначительные.

Эвгенидес слушал ее раскрыв рот. Королева пожала плечами:

– Она сидит на троне всего несколько лет. Если бы Эддис хоть немного походил на Аттолию, советы были бы очень хороши. Она меня терпеть не может за то, что я не приняла ее советы, и за то, что в своей стране я в них не нуждаюсь. А еще – за то, что у меня есть ты, Эвгенидес, и благодаря тебе Саунис со своим продажным двором не рискует сюда соваться.

Она встала, сунула руки в карманы шаровар и прошла по комнате. Привстав на цыпочки, выглянула в окно. Интересно, когда она снова начала носить шаровары, подумал Эвгенидес. И не смог припомнить, когда, помимо, официальных обедов, видел ее в платье.

– Ты никогда не угрожал ей напрямую, но всегда был угрозой для Сауниса, – сказала Эддис. – Если бы Саунису было еще с кем ссориться, он бы меньше внимания уделял Аттолии. Он лает на наше дерево с той минуты, когда она отрубила тебе руку. – Королева обернулась к Эвгенидесу. – Пытаясь подмять под себя Эддис, Саунис рискует завязнуть на много лет. Он поймет, что нас легко укусить, но трудно проглотить. – Она тонко улыбнулась. – Казнив тебя, Аттолия добилась бы того же самого, но ей хотелось побольнее ужалить и тебя, и меня. – Она взглянула на него. – Все это тебе известно.

– Почти всё, – признал Эвгенидес. – Не понимаю только, за что Аттолия так меня ненавидит.

– Одевайся, – сказала королева. – Я велю принести завтрак и расскажу тебе еще кое-что.

* * *

– Если бы Саунис не боялся тебя, то давно начал бы попытки ослабить Эддис. Мой двор предан мне, и, думаю, у него не получается подкупить их, однако главная его сила – торговля.

Мы зависим от импорта. Рано или поздно он прекратит поставлять нам товары. А если Аттолия будет торговать с Медией, то мы и оттуда ничего не получим.

– Мне это известно, – сказал Эвгенидес.

– Разумеется. Но тебе неизвестно, что я уже давно подумываю о свержении королевы Аттолии.

Эвгенидес моргнул.

– Я понимаю, что свергать соседнего монарха можно только в полном отчаянии и что никто из наследников не окажется приятнее ее, но Аттолия, пытаясь соперничать с Саунисом, становится все более и более неустойчивой, а когда вокруг, как стервятники, вьются медийцы, неустойчивость опаснее всего, – объясняла Эддис, расхаживая по библиотеке. – Потом она отрубилась тебе руку, и тут уж мне захотелось повесить ее на стене ее собственного дворца. И со мной соглашались все до единого жителя Эддиса. Мы с твоим отцом считали, что если у Сауниса будет возможность посадить в Аттолии марионеточного правителя и сделать это быстро, пока не вмешались медийцы, то Саунис оставит Эддис в покое.

Королева пожала плечами и признала:

– В этом смысле мы не лучше Аттолии. Чтобы спасти Эддис, я без колебания бросила бы ее страну на растерзание этому псу Саунису.

– И что?

– Остановил нас не кто иной, как волшебник. Он сказал Саунису, что, если на Аттолию нападут одновременно Саунис и Эддис, она заключит договор с Медией. Может, он и прав, но, по-моему, она и так уже пытается договориться с медийцами. Я надеялась, что если у них вспыхнут одновременно война внутренняя и война внешняя, то страна сплотится против медийцев и против своей королевы. Они приняли бы марионеточного правителя из Сауниса, а мы бы от нее избавились. Медийский император не сможет вмешаться без приглашения от действующего правительства страны, иначе нарушит договор с Великими державами Континента. А Великие державы, как и мы, не желают видеть медийцев на этом побережье, они, конечно, тоже вмешаются при первом же удобном случае, но нам меньше всего нужны конфликты на нашей территории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.